

О К Р О В Е Н И Е

Мгер Оганесян

**Сокровение. Книга 1.
Сказания кровавой дани**

«Прометей»

2019

УДК 82
ББК 83.3(2)6

Оганесян М.

Сокровение. Книга 1. Сказания кровавой дани / М. Оганесян — «Прометей», 2019

ISBN 978-5-907100-78-7

Когда речь идет о серии романов эпопеи «Сокровение», мы погружаемся в удивительную вселенную, которая затягивает невообразимым сюжетом, завораживает чудесными видами, наполняющими каждый уголок мира, и увлекает украшающими деталями. В этом мире даже магия подчиняется четким законам и имеет свои пределы. Земля поделена между шестью царствами. Кроме всеми известных эльфов, гномов, людей, нежитей и орков, в книге есть и свои собственные расы. Инерзиты, априаны, джейи – об их уникальности читатель сможет узнать из самого сюжета. В первой книге описываются события, в которых люди пытаются предпринять меры для освобождения от кровавого сюзерена, величие которого непомерно. Человеческая раса считает себя жертвой в руках смертоносного зла, но даже оно имеет свое обоснование и смысл. А философия некоторых персонажей расширяет сознание. Само название «Сокровение» – это процесс постоянного таинства. И каждый раз, когда автор раскрывает ответы на загадки, у читателя возникает все больше вопросов, разгадать которые еще предстоит. Публикуется в авторской редакции

УДК 82
ББК 83.3(2)6

ISBN 978-5-907100-78-7

© Оганесян М., 2019

© Прометей, 2019

Содержание

Пролог	7
Эпизод 1	9
Эпизод 2	10
Эпизод 3	12
Эпизод 4	14
Эпизод 5	15
Эпизод 6	16
Эпизод 7	18
Эпизод 8	19
Эпизод 9	20
Эпизод 10	21
Эпизод 11	23
Эпизод 12	26
Эпизод 13	27
Эпизод 14	28
Эпизод 15	29
Эпизод 16	31
Эпизод 17	33
Эпизод 18	34
Эпизод 19	37
Эпизод 20	39
Эпизод 21	40
Эпизод 22	42
Эпизод 23	44
Эпизод 24	45
Эпизод 25	48
Эпизод 26	53
Эпизод 27	55
Эпизод 28	56
Эпизод 29	60
Эпизод 30	61
Эпизод 31	65
Эпизод 32	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Мгер Оганесян
Сокровение. Книга первая.
«Сказания кровавой дани»
Роман в стиле фэнтези

© Оганесян М., 2019

© Издательство «Прометей», 2019

Уважаемый читатель! Слова, значение которых раскрывается в глоссарии, выделены по тексту *курсивом*.

Пролог

В мире, поделенном между властителями различных рас, уже более тысячи лет существовало объединенное королевство людей – *Арачнакан*, правителем которого был король *Аврело Эсперанский*. В составе королевства входило четыре графства, которыми руководили графы, подчиняющиеся лишь Аврело. Западное графство – *Эсперанса*, откуда он сам был родом, являлось столицей. Северным графством, *Сент-Акронесом*, правил граф *Ивовлас Акронесский*. *Малионисом* – восточным графством – *Чезаре де Малионис*. А на юге располагалось графство *Лар*, правил которым знаменитый граф *Манрике де Лар*.

Супруга графа *Франциска де Лар* вечером, перед сном читает своему маленькому сыну о событиях десятилетней давности:

«В глухой ночи на небе звездном проходит мрак, что тушит их. Луна исчезла во мраке этом, дрожит земля шагов войны. Горит сигнал, тревога колокольной, все признаки вдали – все ближе к замку движутся враги... Встают мужья, щиты, доспехи, а на руках у них мечи. Их долг на смерть пойти, чтоб жен и малышей спасти. И с башен каждый патриот навел стрелу на небосвод, чтоб долететь к врагам, идущим к людям десятку тысячам смертям. Они страшны, нет мышц на каждом из лиц, лишь черепа в доспехах и с мечами. А рядом с восемью тысячами их – ведет две тысячи коней черноволосый всадник. Он и с лицом, и с человеческими глазами, и ветер плыл по волосам; вознес мечом он над собой, и рукоятью с мертвой косой. Предстал во главе всей армии на жеребце породы из вулкана. И в жилах черного коня растекалась огненная магма. Вместо волос над гривой его неистово воздымалось пламя. На Арачнакан ступает всадник – *Первый сын* чье имя. Но не вином тьмы господин его крестил, а жидкостью из вен живых.

На некоторое время весь мир для воинства людей затих. И на двух тысячах коней за сыном Первым ждут приказаний черные жнецы. У них и вовсе нет лиц – лишь тьма, в руках клинки. Исходит дым от их плащей – черным черно, всего мрачней. Ждут короля людей живые, в бой приготовив пики, Первый сын и две тысячи всадников *безликих*.

Раздался вдруг свирепый голос, к царю взывает нечисть-воевода. Острые клыки, зубная полость главнокомандующего нежителей народа.

Вдруг отворяются врата, живой является глава. Король Аврело с осанкою прямой, на колеснице статный, с царской бородой. Его корона с узорами из листьев, и взгляд, над армией возвысив, доносит бесстрашие врагу, воодушевляет он к войне готовую толпу.

– Король Аврело, ты правишь мудро много лет... За это время преодолел немало бед... – вступает сын Первый в диалог, сдержанность до встречи он не смог. Кричит издали, ждет приближения короля.

– Не замолкай, хочу услышать продолженье! – в ответ манерам странным дерзит король тоном бранным.

Спустился с горящей гривой коня сын кровопийца, нежителей царя. Оставил меч, в землю вонзив, шагает в сторону людей. Правитель последовал навстречу в сопровождении Арачнакана сыновей. Вампир, что явно выше короля, предстал он тесно и высказал, рая:

– Скажи мне, царь людской! Желаеть смерти воинству живых?

– Как смеешь ты дерзить царю, когда ты сам всего лишь раб?

– Хочу я выбор дать тебе... Тебя я старше тысячами лет. В придачу дам тебе совет: не торопись в словах, если возможен крах.

– Учту совет, но сам не забывай, что прежде, чем учить других, манерам сам, будь добр, научись.

– Манеры смерти, тем более доброта – наша не лучшая черта. Однако с сути мы сошли слегка.

– Что привело тебя сюда?

– Мне не нужна земля, вода... и золото, добро – оставь в своем Арачнакане. Моим войскам лишь смерть покоит.

– Так просвети меня, сын Первый короля, что старше каждого царя.

– Я могу смертью унести тысячи солдат, что смелы, молоды, прекрасны. Что приумножили бы твоих наград, чьи жены родили бы еще больше челосят. Могу сравнить всех вас с землей, могу убить тебя одной рукой. Ведь я один на тысячу солдат. Посмеешь ты, человек, рискнуть, пустив сомнения?

– Посмей же ты вкусить мой нрав! – король горделивый поднял свой меч. Ему бы голову врагу отсечь. С тревогой оружие обнажили люди, и нежити пойти на бой уже чуть было не рванули. А хладнокровный генерал одним движением руки королю меч разломал на мелкие куски.

– В квартал мне нужно единиц сто пятьдесят доставить у границ. А возраст, пол определяй ты сам. Возложена отныне от вас *Эхеллиосу* дань, – требования сын Первый ставит от имени того, кто нежитями правит.

– С чего ты взял, что соглашусь? Так знай, я смерти не боюсь.

– Войскам твоим две тысячи, дай Боже. А ведь моим на десять перемножь, что каждый – смерть!

Король Аврело с оцепенением врагом повержен изречением:

– Решай скорей, мне нападать? Дай дань, и я могу уйти. Ты можешь множество мужей спасти. Их жены ждут и дети. Благоразумию молят родители.

Так скорбный день людей настал, того, кто тьму на них наслал. Он Эхеллиос, он мрака господин, несущий смерть, таинственный, неведанный... один.

Пришлось Аврело согласиться: неравные к нему вторгались силы. Бессмысленно не стал он биться, тьма их бы поглотила.

С тех пор каждый квартал Арачнакан, как орки, гномы со скорбью тоже платят дань».

* * *

Закончив чтение своему десятилетнему сыну, графиня закрывает книгу. Приобняв мать, *Алейн* восхищался рассказом, ласкающего уши голоса.

– Мама, отец найдет способ освободить наш народ? – в добрых глазах мальчика, выражающих понимание, промелькнула печаль.

– Он... найдет, – возвела взгляд к куполу готического свода, на короткое время мысленно перенеслась к мужу. В лице Франциски читалось восхищение, но скрыть переживание ей все же не удалось.

– Не переживай, мам. Все будет хорошо... он вернется, – умный не по годам мальчик утешает мать, сжав крепче в своих объятиях.

Эпизод 1

Ссора короля и королевы

Из комнаты уединившихся Аврело и *Ангелины* вопреки обыкновению раздаются крики. Примерная жена, всегда принимающая сторону супруга, сегодня не сумела сдержать эмоций. Не смогла она смолчать в ответ на обвинения с озлоблением влетевшего в покои короля.

– Как ты могла решиться на такое, оставив меня в неведении? – возмущенный Аврело усталился на королеву.

– А как ты мог послать на отчисление Эхеллиосу моего брата? – с напряжением в груди парирует Ангелина. Но ее сердитый голос выдает трепет пред властным мужем.

– Ты ведь знаешь, у меня не было другого выбора, – оправдывается Аврело.

Не сдержав слез, она сжимает веки. От потери последнего родственника ей оправиться тяжело.

– Тогда почему мой брат? Твой брат тоже стар!

– Твой брат старше моего на пятнадцать лет! – еще сильнее разозлился глава Арачнакана.

В наступившей тишине, заметив тихий плач отвернувшейся жены, с состраданием выдохнул: – У нас закончились старики...

Слезы не прекращают капать из все еще прекрасных глаз Ангелины. Морщины вокруг них ничуть не портят королеву, а, как ни странно, только подчеркивали ее величие. Ведомая эмоциями, она невольно повышает тон:

– В том-то и дело! Нежити поедают всех наших родственников, а ты не принимаешь никаких мер!

– Каких еще мер? Все, что я могу – это готовить армию!

– Все, что можешь ты!..

– Я тебя еще раз спрашиваю, зачем ты отправила де Лара к врагам?

– А это все, что могу я!

– Отправить на гибель одного из правителей моих земель?

– Проблема в тебе! – продолжает ругаться Ангелина, не отводя взгляда от недоумевающего короля. – Ты сдался! Ты не слушал меня, когда я говорила про артефакты, про Адридад...

– Адридад? – Перебивает Аврело, – ты сошла с ума на старости лет?

– И что, меня ты тоже отправишь на корм мертвецам?

– Что ты такое говоришь?

– Брата моего уже отправил!

– Я не желаю это слушать! – машет рукой, отвернувшись.

– Наш сын погиб! Ты помнишь?

Обернувшись, король разит в глаза жене:

– Мы решили не вспоминать об этом, зачем ты...

– У меня никого больше не осталось! И ты отдалился от меня! – в истерике королева перебивает могучего супруга.

– Вот именно, после моей смерти мой брат будет королем...

– Тебе на всех наплевать! Люди гибнут! А ты только о своем троне... – она не успела закончить мысль, как вдруг за сердце схватился своей широкой ладонью, чуть сторбившись на выдохе, король. – Что с тобой, Аврело? – сожалея о сказанном, ринулась объять мужа и звать на помощь: – Лекаря! Лекаря, скорее! Скорее!

Эпизод 2

Команда де Лара

Наступающим вечером в ясном небе солнце изливается неудержимым светом в тропическом светло-зеленом лесу. Высокие деревья с изящными, широкими кронами слегка скрючились, будто затаив обиду. Привычная влажная ядовито-зеленая трава ныне сухая с желтеющими окончаниями. Высыхающие джунгли под неумолимостью жары словно замерли в предвкушении неистового дождя.

До уставших путешественников, преодолевших в ночи губительные пески, из самой глуши доносилось пение птиц. В одежде, впитавшей пот и грязь, Манрике де Лар со своей командой, измученный голодом и жаждой, наконец-то разбивает лагерь. Пряный запах растительности раздражал, и голод лишь усиливался. Связав верблюдов, натянув палатки, они принимаются за остатки провизии.

Под темнеющим небом Манрике распоряжается, чтобы подданные пополнили припасы и добыли огонь, пока он будет занят в своих покоях. Собранные фрукты для предстоящей дороги были распределены по палаткам. Выполнив поручения графа, люди наконец-то уселись перед костром отдохнуть и что-то недовольно обсуждают:

– Куда это нас завел наш легендарный граф, который сейчас наверняка делает вид, что работает? – бормочет от утомления в теле кузнец из северного графства, не привыкший к такой суровой жаре.

– О чем ты, *Амадей*? – смутился Лами, потому что для него это путешествие, как глоток свежего воздуха. – Схватка с природой – лучший повод получить незабываемые ощущения.

– *Лами*, мы уже дошли бы до пункта назначения, если бы наш прославленный лидер не был так уперт, – раздраженно жалуется большой бородатый кузнец полного телосложения, пристально глядя исподлобья в глаза худенькому маленькому актеру. Толстыми пальцами он нервно бросает ветку в костер, нахмутив черные густые брови под широким лбом с цельными надбровными мышцами.

– Зато посмотри, сколько всего пройдено! – оправдывая поход, юноша харизматично проводит рукой перед толстяком.

– Дружок, очнись, от тебя несет навозом. Хотя, кому я говорю? Актеры всегда ищут приключения себе на одно место! – ругается Амадей, сидя на камне, положив ладони на пояс. Затем проводит рукой себе по бедру и обратно возвращает на место из-за волнения.

– У-у, еще расплачься, нытик! – не удержавшись, издевается смазливый брюнет с зелеными глазами.

Лицо Амадея покраснело, лоб покрылся испариной – настолько сильно он пытался скрыть обиду. Тщетно искал, чем парировать нахалу, но от напряжения не смог придумать ничего. Сжав зубы, решил замолчать и тяжело фыркнул.

– Так, прекратите, – прервал накаляющийся диалог стройный коротко стриженный блондин с карими глазами, незаметно подойдя сзади к актеру. Он стоял с голым торсом и держал грязную тунику в руке. Пронзил холодным взглядом сначала Амадея, затем, когда Лами, сидящий перед кузнецом, обернулся, перевел свой суровый взор на него. В наступившем безмолвии слышался лишь треск огня.

– *Берто*, мы просто шутили, – вдруг оборвал тишину Лами, одновременно показав себя с благородной стороны, скрывая слабость Амадея.

– Если вам так интересно, наш граф всегда знает, что делать. И то, что он повел нас по этому пути, означает, что на то есть причины, – спокойно вступил в разговор четвертый путник, одним коленом оперевшись в пол, ту же некуда затягивая веревку своего шатра и обматы-

вая вокруг вбитого в твердь бревна. Ростом он был ниже остальных в команде, но его стальные мускулы позволили натянуть шатер с четырех сторон сильнее.

Его соратников до сих пор удивляло, что *Гермэк* был стройным голубоглазым блондином. Ведь чаще всего гномы темные и коренастые. Каждый раз, как он о чем-то говорил, окружающие заряжались его обаянием. Борода, с одной стороны, подчеркивала его необычную мимику, с другой – придавала мужества лицу. Как и подобает настоящим гномам, помимо низкого роста, уши Гермэка были конусовидные, с круглыми двойными валиками, волосы – толстые и массивные, как ветви ивы, а кожа матовая, словно песок.

– Гермэк прав, – присоединяется к словам гнома Берто. Подойдя ближе к костру, он садится и с энтузиазмом добавляет: – Мы обходим город *Индрид* с западной стороны, чтобы не оказаться схваченными. Наша цель – добраться до связки между морем *Оканикой* и истоком реки *Сумары*, – небольшой палкой он чертит карту Адридада – царства расы *инерзитов*, и разъясняет стратегию. Остальные трое чутко впитывают каждое уверенное слово атлета и наблюдают за рисунком на земле. – Как вы понимаете, таким образом нас сложнее заметить нашим неприятелям.

После истолкований драбанта становится яснее, чем руководствуется их лидер, из-за чего они так отклонились от плана.

Эпизод 3

Столица Эсперанса

Неспешно мрак порабощает звездное небо столицы Арачнакана. Движимые непреодолимой силой природы, плавно охватывают Эсперансу тучи, словно мускулистый зверь. На вечерний дворец вдруг низвергается мерцающий свет, последствием которого секундой позже оказался суровый грохот грозы. Отчаянно слетает первая капля, в отрыве от стремившихся вслед остальных из тьмы, затянувшей город. Одна за другой они достигают земли. И разверзлись небеса.

Вопреки картине за окном, в апартаментах государя светло почти как днем. Эльфийский правитель *Мэрфэл* когда-то подарил семье Аврело *норюэльские* свечи. Комнату пастельных тонов, убранную изысканными зеркалами и колоннами белого золота, наконец покидают лекарь с помощниками. Паника во взгляде королевы сменилась облегчением. В белой с золотым оттенком мягкой постели спит могучий король. Но побледневшее лицо его уже не такое строгое, каким привыкли видеть его подданные. Напротив, оно напоминает скорее невинного мальчика. Стул королевы выполнен в стиле окружающей обстановкой, но располагался чуть ниже, нежели украшенная золотом и яркой древесиной кровать. Она безотрывно держит Аврело за руку, опустив свою голову ему на плечо.

Нежданно из уст больного раздались нежные слова:

– Моя королева...

Воссияла улыбка на лице королевы. Она аккуратно приподнимает голову и выпрямляется. Ее глаза влюбленно засверкали:

– Ты давно меня так не называл...

Закашлялся Аврело.

– Тише, тише. Все хорошо... – продолжила Ангелина.

Сначала король мягко улыбнулся. И, вспомнив последний разговор, с сожалением ответил:

– Мне так жаль, так жаль, – и через небольшую паузу Аврело разъяснил: – Наш сын... Я не оставил после себя наследника.

– Это наше общее упущение...

– А помнишь, как мы вместе его купали, пока он был совсем крохой? – предался воспоминаниями старик без единого седого волоса.

– Вылитый ты, – скромно улыбается в ответ настрадавшаяся женщина, подбадривая возлюбленного.

– Мы должны были быть строже, – холодеет выражение лица отца из-за неизлечимой боли.

– Это охота. Он свалился с коня, мы ничего не могли сделать, – королева обращает скорбящий взгляд к полу. – Наш народ. Он впадет в смуту, если не твой брат... – она, вдохнув побольше воздуха, сдержанно сменила тему.

– Сальвадор?

– Вся надежда на него.

– У него же нет наследника, – с несвойственной растерянностью отвечает правитель.

– Ракши, – без колебаний выдает первая леди.

– Ракши – его приемный сын, – неуверенно поддался предрассудкам монарх.

– Не говори так! Он твой племянник, – благородно отстаивает права маленького мальчика королева.

– Я знаю. Но в нем нет королевской крови! – все увереннее говорит король.

– И что ты предлагаешь? Лучше дать королевству впасть в смуту? – женщина защищает интересы родины. Аргументы у государя заканчиваются. – Он обучается у лучших преподавателей Эсперансы! Нашей столицы! Я не узнаю тебя, король. Ты всегда так мудр и велик. Но иногда я просто поражаюсь тебе.

Король скромно опустил глаза, прислушавшись к жене. После некоторого безмолвия отвечает остротой:

– Иногда я удивляюсь, почему я король, а не ты.

Ангелина хохочет вместе с мужем, затем старушка игриво отвечает:

– Прислушивайся ко мне чаще, и все будет хорошо.

Эпизод 4

Церемония открытия

На другом конце мира от юго-запада до востока океан рассекали скалы через север эльфийских владений. На непреодолимых утесах раскинулись величественные дозорные стены под покровительством лесных жителей под *Норюэлем* – феодем мейлона *Амаэля*. Прославленный своими волшебниками, необычными изделиями, он владел уникальным листовым лесом, сочетающим в себе нежно-голубые и бирюзовые краски, где зреют исключительно розовых тонов плоды. А животные... Хищные были бронзовых оттенков, а остальные – белые. Именно в норюэльском лесу можно встретить *единорога* или гигантского *болишерогого оленя*. А ночи переполнит волшебство, когда мягкий свет сочится от сказочных насекомых, спрятавшихся среди растительности.

Бронзовые берега моря *Рокозы* Норюэль на востоке разделял с самым крупным мейлонством – *Шелвиллией*, феодалом которой являлся *Баэлькор*. Непостижимый водопад *Эней* бескрайних размеров от океана ниспадал в великую *Кристаллику* – необузданную реку с необъятными кристаллическими ресурсами, несущую свои воды к южному морю *Молинею*.

Люди всех графств, гномы всех *ливеренций* и эльфы со всех мейлонств прибыли в единственный в своем роде прекрасный кристаллический дворец Норюэля, архитектура которого белых, розовых и доминирующе-голубых расцветок гармонировала с живыми деревьями.

Над главной площадью возносились великолепные трибуны, внутри которых проводилось самое ожидаемое международное спортивное мероприятие – «Илани-арвиата», что так и переводится: «раз в пять лет». Оно олицетворяло мир и дань уважения жизни. Состязания во время игр не причиняют ущерба здоровью, ведь используемое спортсменами оружие, сотворено иллюзионистами.

В лоджии *арфаона*, возвышающуюся над всем стадионом, гордо восходит правитель *Ариш Вариэны*. Высокомерный взгляд Мэрфэла излучает неумолимую энергетику. Воздев руки над величественной публикой, он объявляет открытие игр.

Восторженные голоса толпы приветствуют правителя эльфов, предвкушая первые состязания. Начинается сильный ветер, прогоняющий облака. Солнце сильнее озаряет Норюэль, прорезая стадион. Вниз по кругу по ступеням течет вода, кольцом замкнув площадь. Застыв, она вдруг возгорается от огненного вихря, проскользнувшего по ней. Следом возникают скульптуры атлетов предыдущих игр. Они вращаются по разгоревшемуся огню, чтобы каждый зритель не упустил детали прошлых событий на настоящей сцене. Внезапно все превращается в прах. По тлену плавно расстилается сверкающая растительность и раскрываются цветы. Голубой воронкой почва прорывается сквозь центр, стелется голубыми волнами по арене и застывает твердью. На месте земляной воронки к небу тянется нежный луч, превращаясь в звезду. В центре ее проявляются очертания оперения и силуэта крыльев. В один миг лучи втягиваются в центр и образуется животное. Словно в плаву могучий *негас* возносится к небесам и исчезает в солнечном сиянии. Пять раз ликут трубы, символизируя пять лет.

После бурных аплодисментов трибуны стоя приветствуют выходящих спортсменов, защищающих честь своего народа. Под разными гербами участники проходят через арену. Вдруг фиолетовые глаза Мэрфэла чернеют из-за непомерно расширившихся зрачков, прицельно поймавших старшего сына. Ветер отвел в сторону его длинные белоснежные волосы, в лице читалось недовольство. Очевидно, *Валтерий* не желал выполнять свои обязательства в *Джесснуре*, оставив столицу под ответственность младшего.

Эпизод 5

Смятения де Лара

В то время как на одной части земли господствует день, другая поглощена объятиями ночи. В своих палатках подданные де Лара предались сну. Предварительно они потушили костер, дабы не привлечь непрошенных гостей. В хорошо укрепленном шатре бодрствует Манрике. С момента прибытия он без устали изучает материалы из культурного графства Малиониса. Ему необходимо получить огромное количество знаний за кратчайшее время, для того чтобы раздобыть артефакты, способствующие противостоянию силам *дариомернцев*. Насколько было возможно он познавал свойства невообразимых животных и уникальных природных ресурсов расы инерзитов. И приступил к раздобытым записям о нежитях.

Основу самого слабого войска составляли «*антартоны*». Они описаны как павшие воины или убитые в результате кровавой дани люди, гномы или орки. Силой некромантии верховный некромант поднял их бездушные тела в качестве ресурсов для военных действий. Граф был напряжен: во время чтения ему являлись удручающие картины. В каждом наброске сражений ему представлялось только поражение. Черная завеса укрыла небосвод, трупы людей восстают под нашествием ужаса. В развалинах королевства он вместе с войском становится жертвой антартонов – принимает смерть в кровавой гуще. А в самых благополучных версиях он успевает отрубить руку одному из врагов. Но другой в тот же миг оставляет топор в черепе героя. Затем безрукая нежить приставляет утраченную конечность обратно, и она восстанавливается.

Манрике вздрогнул, отгоняя жуткие мысли прочь, уставился на свечи. Зажмурив карие глаза, погрузился в полусон. В нем он вместе с отрядом загнал одного антартона в тупик. Они разрубая нежить до тех пор, пока магическая составляющая полностью не иссякнет. В том же полусне бородатый граф поднимает лик на развалины стен, рассматривает разрушенные башни и бранные поля, где бесчисленные мириады, топчущие трупы солдат, маршируют к горстке живых. Мрачная туча скелетов без кожи и глаз движется по охровой площади бликующего пожара. Они наступают – кто без рук, кто без головы, а кто и вовсе ползком. И их не остановить...

Резкий вздох от сжавшегося сердца возвращает Манрике в реальность. То ли от волнения, то ли от жары его бросает в пот. От ощущения беспомощности пересыхает в горле. Но не перед смертью он так трепещет, а перед тем, что может потерять семью. Растерянный граф уже чуть было не сдался, но понимает, что это лишь от недостатка информации. Де Лар слишком упрям, чтобы так легко опустить руки.

Его веки отяжелели, лесная тишь склоняла ко сну. Но непомерная ответственность командира отторгала желанный покой. Долгожданный глоток воды словно заново восполнил силы неудержимо стремящегося к знаниям господина.

Эпизод 6

Шепот волшебников

Шум гостей, предвкушающих первый поединок, раздавался по всему Норюэлю. Они наполнили северное мейлонство праздничной атмосферой, заряжая еще большей динамичностью. Жители разных уголков мира отдали целое состояние, чтобы прибыть сюда на эльфийском корабле и насладиться зрелищем игр. Одно только волшебное путешествие на летающей Эйфавелле бесценно, не говоря уже о предстоящих состязаниях. Арену переполняют невероятные эмоции людей, гномов и эльфов. Аплодисментами они сопровождают первых участников «шепота волшебников». Победители среди своих классов проходят к судейской коллегии. Ведущий рефери и судьи-сторонники матча приветствуют спортсменов рукопожатием.

За совещанием арбитров молча наблюдает черноволосая волшебница, по воле случая не попавшая на *Илани-авриату*. Ее серые глаза и густые ресницы свидетельствуют о роковом характере. Взмах ее роскошных ресниц вводит эльфов в ступор.

Острые брови, яркие скулы и пышные губы придают лицу особую выразительность. В ее красоте и изящности кроется внутренняя сила.

Наконец ведущий приглашает по одному волшебнику за судейский стол. Над длинным столом с эльфийскими узорами приготовлены прозрачные сосуды с именами спортсменов, для того чтобы каждый поместил магическую силу в виде манного порошка.

Первым приступает *Джельм*, отобранный среди первородных волшебников, класс которого впервые допустили к состязаниям. Переконцентрировав духовную силу в манный порошок, он заполняет сосуд до горла, превышая рекорд предыдущих игр в два раза. У остальных с трудом доходит до трети.

Манна небесная служила ресурсом для материального урона, а физический порошок не причинял никакого вреда. На использование каждого заклинания расходуется определенный процент манны. И чем сложнее уровень магии, тем выше будут затраты.

Когда ведущий судья встает, арена замолкает. Плавным движением руки он освещает сцену фиолетовым светом и объявляет имя Джельма.

С безразличием на лице стройный фаворит медленным шагом проходит в свой угол. Он наряжен в сияюще-изумрудную рубашку с темно-коричневыми запонками формы дерева. Поверх нее на нем необычная темно-синяя жилетка. Шалевой лацкан с левой стороны стандартный, а с правой – чрезмерно заужен. Пуговицы такие же как запонки, только крупнее и располагаются по две в два ряда. Брюки тоже темно-синие с темно-коричневым поясом и серебряной пряжкой в форме дерева. Обувь под цвет пояса и пуговиц. Светло-коричневые короткие пряди причесаны вверх и чуть влево, каждая по-отдельности. Изумрудного цвета радужки, как и у всех эльфов, заполняют почти всю поверхность глаза – практически скрывая белок. Черты лица очень аккуратны, аккуратные даже уши, несмотря на то что он эльф.

Перепуганные волшебники буквально молятся, чтобы не оказаться его соперниками. Из зрительских залов за действием пристально следят холодные кристально-голубые глаза длиннородного черноволосого мужчины. На нем накинут темно-коричневый жаккардовый плащ с черными пряжками крепящийся к драгоценным камням в золотых оправках. Под его плащом скрыта красная туника. В нетерпеливом ожидании чего-то грандиозного он наблюдает за невезучим оппонентом фаворита. Коренастый рыжий гном направился в противоположенную часть арены, дожидаясь своей участи.

Ведущий судья требует от каждого создать магическую ауру, по которой будет наноситься урон. У кого она исчезнет раньше, тот и вылетает с соревнований. Джельм поглощается крас-

ным вихрем, плавно переходящим в коричневый. Багрово-коричневое вращение взрывается зеленой звездой, обволакивая силуэт.

Гном протягивает к земле руку, в которую буквально впитывается огонь. Пламя вырывается из глаз и струится по голове, обволакивая все тело.

Сверкает молния, раздаётся гром – начинается бой. Джельм надавливает носком в сторону гнома, и земля слегка сотрясается, немного качнув маленького волшебника. Первородный ехидно улыбнулся, саботируя противника. Зеленые линии и цветения вплавь вращаются вокруг эльфа, подобно змеям. Джельм дает фору гному, который первым начинает атаку, метая огненную сферу. Сосуд, находящийся у судьи – сторонника гнома – возгорается красным цветом. Белая манна покрывается синей пленкой, и ее существенная доля мгновенно испаряется. Джельм создает песочную воронку, которая поглощает эту атаку, превращая в прах. Аура первородного все так же не тронута. В одно мгновение он заклинает «месть земли»: взрывной удар шипами из-под противника скалой возносится к небу и исчезает. Красный свет вращается вокруг сосуда сторонника эльфа, синий слой забирает еле заметные песчинки. Горящая аура еще не потухла, хотя заметно утратила яркость. Не успев оправиться, получает повторное заклинание и проигрывает.

Бородатый наблюдатель улыбается своими кристальными глазами. Зрители ликуют, пребывая в неудержимом восторге.

Эпизод 7

Алейн непотопляем

Среди золотистых пшеничных лугов под ясным жарким небом у деревянной беседки сын де Лара играет в рыцарей с детьми других знатных семей. Бегая вокруг стола, они пытаются догнать друг друга. Сражаясь на деревянных мечах, один из них бранится словами:

– Алейн, ты слабак, тебе никогда не стать таким, как твой отец! – сбивает худенького оппонента с ног. – Вставай.

С обидой на лице упертый Алейн приподнимается. Пол размахивается деревяшкой, чтоб покалечить. Но сын графа, отскочив от удара, обороняясь, швыряет в обидчика чашкой со стола. В один миг агрессор падает без сознания. Алейн с остальными ребятами испуганно замирают. Через несколько секунд Пол подает признаки жизни. Отталкивая де Лара, мальчишки подбегают к покалеченному и усаживают на скамью. И самый активный вступает за друга:

– Ты что, дикарь? Совсем что ли с ума сошел?

Невозмутимо Алейн наблюдает за «приятелями», уверенный в своей правоте. Без лишних слов он проводил взглядом уводящих Пола. Особенно ему запомнилось агрессивное лицо Райана.

Оставшись в гордом одиночестве, мальчик принялся собирать осколки разбитой чаши. Его глаза округлились от удивления, когда среди них он обнаружил испарения, возносящиеся от таящего в жару льда. Оцепенев, мальчик не смог дать разумного объяснения. Он точно знал, что посуда содержала воду, а льда в ней быть не могло.

Эпизод 8

В шатре

В огромном княжестве орков раскинулся город *Драменгар*. Среди руин и развалин, каменных обломков, следов сотен ожесточенных сражений располагались деревянные шатры, где проживали местные. У самого прославленного убийцы собрались его товарищи. Хозяин в своей разъяренной манере прицепился к безынициативным гостям.

– Где ваши дети? Вы знаете? – *Равхал* уставился на трепещущих пред ним отцов и добавил: – Я публично унижу вас и убью, если с моим *Кулматом* что-нибудь случится.

Не удержавшись, *Боркат* ляпнул:

– Ты ведь тоже не знаешь, где твой подопечный!

– Да как ты смеешь! – Озлобленный *Равхал* схватил наглеца за шею.

Не свойственный оркам страх разлился по их жилам. Ведь на службе у князя *Кулмата третьего* *Равхал* был известен своими бесцеремонными выходками и жестокостью. Каждое свое дело он всегда доводил до конца и ни один заказ не оставался в живых после встречи с ним.

Сердитый голос резал слух, словно пила по древесине:

– Именно ваши дети всегда вовлекали моего сына в постоянные неприятности!

– *Равхал*, вспомни себя в его возрасте.

– Да! – поддакивают *Гулкас* и *Моху*.

– Себя? Я в юности тоже оступался, но то было ясным днем. А их нет вот уже пять суток! – объяснился хозяин.

– *Равхал*, времена изменились. Ничего не поделаешь, они скоро вернуться, вот увидишь, – пытается успокоить чернорукого орка *Боркат*.

– С чего это ты так уверен?

– Потому что они орки! – с глупым, но уверенным лицом фыркнул *Гулкас*.

– Вы все ничтожные. Бесславными и умрете. Вопрос только, когда, – *Равхал* зарядил гостей своею беспощадностью. Держа всех в напряжении, он провел ножом по ехидно скрипнувшей доске.

Даже огонь из печи был готов наброситься на трусов. По шатру разнесся выкрик, словно ударная волна. Пошатнулись орки, прежде чем могли покинуть обитель дикаря.

– Пошли вон! – продолжал свой грозный рык хозяин дома, разламывая доски и разбрасывая мебель следом за убегающими гостями.

Эпизод 9

Несчастье в лесу

В полумраке доносятся непонятные возгласы и невнятные крики. Звуки разбитой посуды и звон металла нагнетают обстановку.

– К оружию! – наконец-то получилось расслышать командный голос сквозь сон. Затем снова:

– К оружию!

Амадей открывает глаза и наблюдает за носящихся в суматохе темными силуэтами. С факелом к нему в палатку залетает Лами, протягивает руку и убеждает подняться:

– Вставай!

Большой кузнец подает руку в ответ, и актер тащит его к себе. Незнакомцы отступают, Берто с Гермэком бросаются в погоню. Манрике обратил свой ровный холодный взгляд на Амадея из-за его неуместного вопроса:

– Что произошло?

В ответ Манрике проводил взглядом исчезающие во мраке фигуры и вернул меч в ножны. Секундой позже Лами решается ответить приятелю:

– Нас обокрали.

Спустя некоторое время оставшаяся часть команды приводит лагерь в порядок. В спешке возвращается Берто, за которым с трудом поспевает Гермэк.

– Докладывайте, – строгим голосом приказал обычно молчаливый граф.

– Плохие новости, милорд, – опасаясь гнева господина отвечал драбант.

Напряжение возрастает. Команда теряется в догадках о том, что могло произойти. С одной стороны, все ждут ответа от Берто, но с другой – еще больше пытаются разгадать мысли графа, ожидая его реакции на происходящее.

– Троим из них удалось улизнуть с деньгами, – расстроено проронил драбант.

– Это же были орки? – не удержался Лами.

Не обращая внимания на выскочку, атлетичный блондин добавляет:

– А что того хуже, один из них погиб при непонятных обстоятельствах.

– Погоди, почему это того хуже? – встревает Амадей.

– Это были дети, – пояснил Гермэк, провожая другого кузнеца осуждающим, но ровным взглядом.

«Дети орков», – с безразличием рассуждает Лами.

– Сворачиваем лагерь, нужно идти, – приказал де Лар.

«В глухую ночь?» – возмутился Амадей про себя, но не посмел ворчать вслух.

«Но они съели все наши припасы!» – проговорил сам себе недовольный Лами и молча направился исполнять волю графа.

– Поторопитесь, – непоколебимый Манрике подгоняет своих неторопливых подданных.

Эпизод 10

Зрители и сцена

Фиолетовый свет разлился по площади арены. Главный арбитр приглашает к поединку *архимагов* современной магии. В битву вступили эльф, защищающий герб Норюэля в виде белого единорога в голубом лесу с розовыми цветениями, и человек под гербом Эсперансы с изображением золотой меноры, из которой выступала зеленая листва. В центре семисвечника, стоящего на деревянном стебле, находился глаз.

Волшебник из чудо-города был из элитной семьи. Но он оставил роскошную жизнь в далеком прошлом, после гибели его отца – первородного волшебника, отправившись в монастырь *Флесси*. Поэтому *Эрикель* был одет в шелковую тунику кремневого цвета с надлежащими эльфийскими узорами более темного оттенка.

Судья поднимает левую руку вверх, побуждая соперников воздать друг другу уважение. Легким кивком волшебники приветствуют друг друга.

Желтый поток ветра охватил ауру человека, обволакивая все тело. На Эрикеля низвернулись неумолимые лучи, которые вращались вокруг него. Засверкала молния, загрела гроза – начинается поединок.

Вечно улыбающийся, с ямочками на щеках златовласый эльф обменялся атаками с человеком, пустив энергетический шар. Белосветная сила, стремящаяся к противнику, оставляла за собой искры. Одновременно в эльфа полетела синяя дымовая стрела – заклятие удушья, которое наслал человек. Теперь норюэлец не сможет нанести существенный урон из-за ослабления от удушья. Но, как ни странно, аура Эрикеля не сильно пострадала, а ветер брюнета существенно выдохся. Ошеломленный, он принимает решение рисковать, растратив больше манны, чтобы сразить оппонента. Эрикель шепчет: «*Silisia esilesi*», – лучи красных оттенков извергаются из глаз одновременно с атакой противника. Молния поражает его так сильно, что свет на миг тухнет. Но вдруг аура эльфа воссияла вновь, почти так же ярко, как до чудовищного урона эсперанского архимага. Острый ум златовласого позволил себя спасти благодаря заклятию исцеления. Брюнет попытался его добить, вызвав молнию в очередной раз. Эрикель опережает того вновь, шепча: «*Silisia esilesi*», – исцелившись снова, но в этот раз не так хорошо. Человеку ничего не стоило ударить молнией еще и сразить эльфа. Если бы сосуд у судьи его сторонника не был опустошен. Эльф вальяжно поднимает вверх правую руку с обращенным к себе запястьем и улыбается в своей доброй манере. Восхищенные зрители замерли, затаив дыхание. Находящаяся среди толпы загадочная брюнетка произнесла: «*Праведный гнев*», – словно разбиралась в высшей магии. С земли восходит множество мечей, сотканых из мрака, замыкая противника в круг. Медленно растворяясь, они возносятся к небесам. Из небес навстречу низвергается величественный сияющие-белый световой меч, сопровождаемый кровавыми лучами, и настигает соперника. Волшебная аура человека уничтожена взрывом, ударная волна расходится по трибунам. И если бы это были не спортивные соревнования, то такое заклинание разрушило бы всю площадь, а противника забило глубоко в землю.

Толпа кричит в экстазе от фантастического зрелища. Все же людей это порадовало не так, как эльфов и гномов, пребывавших в восторге. А первородная красавица хладнокровно молчит, наблюдая за сыном утраченного друга. И вдруг слышит позади себя глубокий баритон:

– *Сирена?*

Она оборачивается и видит уставившегося на нее мужчину. Его голубые глаза словно кристаллы приковывают к себе.

– А ты еще кто? – отвечает удивленная брюнетка таинственному бородачу, столь спокойному среди общего ажиотажа.

– Это совсем неважно.

– А что важно?

– Важно, что могущественная первородная волшебница среди зрителей.

– Ты волшебник, – решила она.

В ответ мужчина лишь мягко улыбнулся. Сирена, почувствовав, что не может противостоять его обаянию, вдогонку бросила:

– И ты среди зрителей!

Бородач медленно перевел взгляд на сцену и уверенно прошел вниз по лестнице на зов ведущего судьбы:

– *Джайней* из Малиониса!

Под гербом львиной головы с раскрытой пастью к Джайнею подбегает его слуга.

В груди древней волшебницы остался неприятный осадок от непонятного диалога с загадочным мужчиной, оказавшимся архимагом, участником «шепота волшебников».

Эпизод 11

Приморская школа Лара

Волнующаяся морская пена *Дюале* охватывала берега полуострова, извиваясь по каменистой поверхности. Волны прибиваются к плитам, бриз пробегает вдоль моря. В северной части Лара, неподалеку от пристани, погруженной в пальмовые кусты и различные цветения, возведена «Приморская школа», куда поступали подопечные знати. Готическая архитектура со всевозможными колоннами в форме трехгранных призм, расположенными вдоль стен с огромными окнами, каждое из которых охватывало три этажа, и им подобными коническими арками.

Сын знаменитого графа Манрике де Лара много времени проводил в школьной библиотеке, отдавая предпочтение чтению, нежели общению с жестокими сверстниками, считая их слишком глупыми. Рассудительный мальчик был уверен, что от одноклассников он мог получить не много пользы.

В силу своей природной жестокости или воспитания дети часто цепляли одиночку. Возможно, из зависти они считали Алейна слабым из-за его интеллектуальных пристрастий.

Радуюсь окончанию учебного дня, ученики спешат покинуть территорию школы. Алейн, увлеченный полученными на лекции знаниями, покидает аудиторию последним. Как обычно после занятий он направляется в библиотеку. По пути навстречу ему попадает Райан Поркленд. В глазах мальчика затаилась хитринка, они даже будто утратили прежнюю агрессию, так явно читавшуюся во время инцидента на лугу.

– Алейн! Дружище, – внезапно по-доброму обратился мальчик.

– Да? – слегка потерялся другой.

– У нас с тобой не очень заладилось. И я хочу это исправить.

– Райан, я тебя знаю. Что тебе надо? – насторожился смысленый Алейн.

– Ты покалечил Пола, когда мы были на лугу. Так ему и надо, сам начал, – хитрый Райан пытается провести собеседника.

– Пол твой друг, а ты говоришь за его спиной, – отчитывая, парирует сын графа.

– А ты все-таки зануда, – белоснежно заулыбался кудрявый мальчик Алейну, который, закатив глаза, попытался потихоньку сбежать. Но Райан, перекрыв ему дорогу, волнуясь, продолжил: – погоди!

– Чего тебе?

– У тебя здесь что-то есть, – Райан тычет пальцем в грудь де Лара, выражаясь столь уверенно, что Алейн наивно опускает голову. Кудрявый тут же дает ему пощечину, захохотав. В растерянности Алейн одной рукой хватается за щеку, другой неловко размахивается на обидчика. Но сын Порклендов легко уворачивается и убегает, ожидая, что одноклассник погонится за ним. Однако Алейн слишком хорошо воспитан и умен, чтобы опуститься до столь низкого уровня, хотя и был ребенком.

В это время один из старшеклассников усаживается за парту в библиотеке. Он восхищенно наблюдает за тем, как младшие угощают усталого библиотекаря.

– Это моя мама сделала! – похвастался Пол.

– Ой, спасибо, мой хороший! – обрадовался школьный работник, с удовольствием принимая угощение.

Аркос, делающий пометки в своих записях, невольно заулыбался доброте увиденной картины. Но не прошло и пары минут, как от работы его отвлек наглый хохот тех же детей. Одного замечания им было мало. Второй раз библиотекарь рассердился:

– Мальчишки, спасибо за угощение, но это библиотека. И если вы не собираетесь читать или брать книжку, то лучше покиньте помещение, – рассердился дядька, отобедавший куском пирога.

Захлопнув дверь, не прекращая свой неудержимый шум, бесстыдники покидают зал.

Дядька посмотрел на молчаливого Аркоса, который с пониманием помотал головой из стороны в сторону, выражая недовольство. После обмена жестами, круглоглазый брюнет вновь возвращается к книжным материалам.

Алейн наконец добрался до порога книжного зала, поймав на себе подозрительные взгляды бессмысленно заржавших одноклассников. Де Лар холодно отвел глаза и вошел в дверь. Шепотом поздоровался с побледневшим книгохранителем, который, поглаживая живот, кивнул ему в ответ и поспешил вон. Сначала Алейн не придавал значения тревожному поведению библиотекаря. Но потом вдруг заметил недоеденный пирог. В голове тут же промелькнули картины: агрессия Пола и Райана на пшеничных лугах; то, как второй занимал его по дороге сюда; непонятные взгляды и хохот одноклассников. Раскусив их недобрый умысел, де Лар понял, что все это не совпадение, и поторопился запереться. Но не успел он щелкнуть замком, как злоумышленники отворили дверь.

– Ну что, будем дружить? – язвит Поркленд, заваривший хитрый план.

– Да что вы меня преследуете? – раздосадовался худенький Алейн.

– Смотрите-ка! Его величество не хочет с нами дружить, – продолжает подколки Райан. Сквозь непрекращающийся смех наглых сверстников Алейн твердо поучает:

– Друзья так не поступают.

– А как мы поступаем?

– Не по-дружески.

– Ох, не по-дружески?

– А бить стаканом меня по-дружески? – включился в диалог и Пол.

Сын графа попытался что-нибудь придумать, но в голову ничего не лезло. Поркленд схватил его за затылок, демонстрируя свое превосходство:

– Отвечай, Пол задал тебе вопрос!

Алейн еще сильнее смутился.

– Ты тупой? – Пол тычет пальцем де Лару в плечо.

Изгой переполняется обидой и, внезапно взмахнув руками, вырывается из захвата. Но хулиганы успевают схватить и скрутить его.

Одновременно с детскими разборками стул, стол вместе с пергаментом рушатся на пол из-за резко дернувшегося Аркоса.

– Прекратили! – донесся благородный голос.

Алейн воспарил надеждой. Но дети не придали словам «ботаника» значения.

Благородный мальчик повторяться не стал. Резким рывком он оказался рядом с обидчиками и расшвырял их, как игрушки. Напуганные хулиганы заныли:

– Мы же просто шутили!

– Мне все равно, сгиньте с глаз моих!

Мальчики, поднявшись с пола, трусливо удрали прочь. Отряхнувшись, Алейн взглянул на силача честными глазами. Затем спросил:

– А почему меня ты не выгнал?

– Потому что глаза твои добрые, – наполовину в шутку, наполовину всерьез ответил спаситель.

– Я в долгу перед тобой.

Еще ярче улыбнулся Аркос:

– Тогда я освобождаю тебя от долга.

– Меня зовут Алейн из дома де Ларов.

– Очень приятно, Алейн из дома де Ларов, – искренность спасенного обрадовала героя, – а я *Аркос* из дома де Нуров.

– Я тоже рад знакомству.

– Будем дружить!

К возвращению библиотекаря они привели аудиторию в порядок и уселись за книжки как ни в чем не бывало.

Эпизод 12

Отец и сын

В одной из башен столичного дворца находился рабочий кабинет генерала *Сальвадора Эсперанского*, младшего брата короля. В строгой комнате, где расположился воевода, не было ничего лишнего: небольшой стол с шахматной доской, жесткий стул с узорами в виде листьев, полка с книгами и норюэльские свечи. Он изучал население и демографию, желая как-то повлиять на благополучие королевства. Его полностью седые волнистые волосы были элегантно уложены у лба. Царская борода и перебитый нос с небольшой горбинкой придавали еще больше мужественности грубому образу. Они с Аврело были очень похожи: те же глаза и ресницы. Но Сальвадор был заметно крупнее брата.

Два уверенных стука в кабинет отвлекают генерала от дел. Он уже знает, кто за дверью, ведь только Ракши стучит в такой манере.

– Заходи, – раздался громкий голос в приказной манере, характерной для генерала.

– Отец!

– Да, сынок, – Сальвадор внимательно посмотрел на *Ракши*, продолжая держать в руках перо.

– Я уйду на тренировку. Вернусь, когда начнет темнеть.

«Какой он у меня самостоятельный», – подумал мощный генерал, возлагая огромные надежды на приемного сына. Делая вид, что воспринимает поведение принца как должное, Сальвадор снова переводит взгляд на пергамент и говорит:

– Давай. Выкладывайся полностью.

– Да, отец.

– И возвращайся не поздно.

– Конечно, отец, – спокойно как всегда, добившись одобрения отца, Ракши развернулся и отправился в орден имени *Дезмонда*, возведенный для обучения элитных солдат.

Эпизод 13

Воля лидера

Изглодавшиеся странники в очередной раз разбивают лагерь. У Амадея уже темнеет в глазах:

– Я больше не могу, – запыхавшись и качаясь, жалуется кузнец.

Лами и Гермэк обратили внимание на Манрике и Берто, слегка опережающих остальных.

– Разрешаю сделать по глотку, – бросив бурдюк, хладнокровно распорядился граф.

Лами ловко поймал и первым делом дал попить Амадею, которому одного глотка было смертельно мало. Затем толстяк возвратил бурдюк актеру. Следом глотнул Гермэк и передал драбанту. Берто без колебаний сразу протянул бурдюк господину, зная, что на кого-то может не хватить. Де Лар отвел от себя руку подданного и приказал:

– Пей.

– Сначала ты, милорд.

– Пей! Это приказ.

Берто, благодарно моргнув, принялся исполнять. Как раз хватило на последний глоток.

Волевой лидер вытянул руку из кармана и сказал:

– Скоро новый день, ешьте. Это все, что осталось.

– Это же ягоды? – радостно округлил глаза Амадей.

– Но тут на всех не хватит... – отметил Лами, невзначай посмотрев на друга.

– А что все сразу на меня уставились? – замешкался толстяк.

– Ешьте и спать, – со свойственной холодностью приказал граф.

– Милорд, – обратился к нему Берто, – нам нужен дежурный.

Обведя взглядом стремительно надвигающиеся тучи, Манрике сделал соответствующее распоряжение:

– Сегодня спим все.

– Но, милорд... – продолжил драбант.

– Скоро сильный ливень. Поверьте, нам никто не угрожает, – перебил граф.

Зная о мощи разъяренных тропических дождей, де Лар нарочно расположил лагерь под прикрытием громадных глыб, чтобы вторженцам к ним было не пробиться, а потоки бурной воды обходили палаты стороной.

Путники съели по несколько ягод и разместили верблюдов в своих шатрах.

Необычайный холод опустился на лес, в абсолютной темноте – ни костра, ни свечей. Раздался грохот грозы. Внезапно обрушился ливень. Звук от ударов воды о камни, деревья и палатки был настолько силен, что казалось, деревья вот-вот рухнут на лагерь или их смоем дождем. Сооружениям удавалось выстоять под натиском воды, низвергающейся из черного неба. Гроза все усиливалась. Упоры, на которых натянуты палатки, были вбиты глубоко, как никогда прежде. Одна из световых бестий сразила могучее дерево, которое упало напротив палатки Амадея. Верблюд в его шатре разбушевался от испуга и попытается вырваться. Благо выход был забаррикадирован древесиной. Кузнец все старался усмирить животное ласками и объятиями.

Вскоре гроза утихла. Верблюд в шатре Амадея успокоился. Усталый толстяк расслабился, его веки все тяжелее. Обняв своего теплого питомца, он наконец засыпает.

Эпизод 14

Очаг убийцы

Дождливым днем в барабан по орчему обычаю перед шатром *Равхала* стучатся гости. С ножом в рукаве хозяин выходит проведать, кто пожаловал и видит: Бóркат, Гулкас и Моху с сыновьями.

– Ну? – как всегда, в своем репертуаре ждет отчета Равхал.

– Равхал, приветствуем тебя, – поздоровался от лица остальных Бóркат.

Хозяин недоверчиво осмотрелся окрест, поводя взглядом из стороны в сторону, и про-
бормотал:

– Заходите.

Проходя внутрь, орки уселись недалеко от камина. Стены были увешаны коврами. На перегородке за спиной у Равхала были расстелены шкуры убитых животных. Пара невзрачных стульев, постель из овечьей шерсти и деревянный столик. Всюду были разбросаны доски и лишь оружие было аккуратно уложено в небольшой склад. Никаких черепов, костей и змей Равхал дома не хранил, в отличие от многих.

Чернорукий орк угрожающе прерывает тишину:

– Ваши сыновья здесь. А где мой Кулмат? – попытался дождаться ответа, но сам продолжил: – Вы хоть представляете, сколько я его искал?

– Он потерялся ночью, – пробубнил Гулкас.

– То есть его бросили? – провокационно спросил хозяин.

– Сын, расскажи, как все было.

– Мы возвращались с «Орчего полигона» и голодные ночью в тропиках наткнулись на людей... – подойдя ближе к отцу, начал Гóхад, – у них была еда. Наевшись досыта, Кулмат предложил стащить добра. Мы, конечно, забрали, что смогли. Но нас засек страшный человек с эмблемой шестикрылого орла.

– Герб Лара, – мудро уточнил Бóркат.

– Я в курсе, – сверкнул глазами, выразившими: «Не умничай». – Начнем с того, по какому праву вы вообще оказались в тропиках? – голос озлобленного Равхала был подобен реву дикого зверя.

Юноша стыдливо опустил глаза и ничего не ответил. Даже его отец побоялся встрять в разговор. И главный орк позволил юноше продолжить:

– Рассказывай, что дальше?

– Мы... мы убежали, Кулмат бегал медленно. Он остушился слегка и упал в небольшой овраг.

– Овраг? – перебил встревоженный Равхал, выпрямившись.

– С ним все хорошо. Люди забрали его в плен, – солгал Гóхад, испугавшись.

– Да я с тебя шкуру спущу, щенок! – гневно сорвался со стула хозяин и схватил прихватил мальчика.

– Равхал, Равхал... прошу тебя! – влезает Бóркат, пытаясь усмирить разъяренного орка, – мальчик жив. Дай нам найти его. Мы все вместе отправимся на его поиски.

Равхал отпустил юнца, взглядом оценив Бóрката, затем Гулкаса. Моху специально сидел дальше всех в надежде, что все обойдется. А все остальные мальчишки со страхом держались позади него.

– Значит, золото вы стащили, а моего Кулмата бросили? – уже спокойнее, не менее угрожающе заметил Равхал. – Собирайтесь, отправляемся все. Молитесь *Аваддону*, чтобы он оказался жив. Иначе смерть покажется вам милостью.

Эпизод 15

Хамский бой

Напротив герба со львом на противоположенном конце арены витала эмблема с фераной. Цветок эльфийского нектара символизировал герб южноэльфийского мейлонства Анафи, под которым угрожающе прошла молодая волшебница. В ее походке отражалась уверенность, а взгляд порабощал противника. По ее фигуре проплыли темные тучи, сопровождаемые раскатами грома.

Сирена, отождествляя с собой волшебницу, не могла не радоваться темной персоне, пребывающей в неудержимой решительности. Потому что она могла отомстить за хамство Джайнею. Но еще большее любопытство вызывал в ней он сам. Ведь в нем ощущалась харизма, подобная притягательности мудреца.

Спустившаяся с неба белоснежная воронка циклона обволокла человека. Как бы растворяясь снизу, он распустил множество следов, подобных облакам, закрученным в спирали. Его аура переходила в крылья, которые чуть заметно колыхались и парили позади. Земля под ногами трескалась, наполняясь бурлящей водой. Его кристаллические глаза временами метали то ли искры, то ли красные молнии.

В толпе возникли споры. И мнения о сфере Джайнея разделились. Большинство, как и Сирена, сочли, что волшебство его заклинает воздух. Гномы же, напротив, предположили, что в центре внимания находится сфера воды. Их раса не была способна овладеть стихией воздуха. И за долгое время, поведенное в попытках дать этому разумное объяснение, они стали лучше разбираться в теории. «Тучи – это воздух, гром – воздух, и ветер относится к воздуху. Но облака – однозначно вода», – полагали они.

Судья поднял левую руку. Джайней в знак приветствия кивнул сопернице. В ответ эльфийка прошептала что-то, подобное неоконченному заклинанию. В тот же миг архимаг, предвидев, что волшебница закончит заклинание одновременно с тем, как загремит гроза, подстраховался. С ударом небесной стихии – символом начала боя, Джайнея поразила молния противницы, чуть не загубив ауру. В это же время чары волшебника настигли и эльфийку. Он наложил на нее проклятие – «обезвоживание». Ее отуманенный рассудок не заметил, что соперник еще не был повержен. Хотя его белокрылые облака исчезли, в глазах еще мерцали молнии. Раскальвающаяся голова волшебницы закружилась, в темнеющих глазах двоилось. Колени затряслись от слабости, поднялась температура. Все ощущалось настолько реально, словно ущерб был нанесен ей лично.

Надежная судейская бригада внимательно замеряла действия спортсменов, в том числе атаку Джайнея, со стороны которого все было чисто.

В момент его следующего заклятия волшебница попыталась навлечь на него «удушение». Дуновения ветра хватило бы сразить бородатого мужчину. Но эльфийка путалась в словах и не могла сконцентрироваться из-за «обезвоживания».

Вдруг волшебница покрылась льдом.

Обрадовались гномы – они оказались правы по поводу принадлежности сферы малионца. Среди коренастых гостей одному особенно приметился Джайней. *Рамон* из рода Безбородых приехал с целым состоянием, чтобы приумножить свое богатство на ставках.

Фаворита толпы окутывает легкий слой воды, и его облачная аура вновь перерождается, медленно восстанавливаясь.

Восторженные эмоции людей и гномов, заработавших на ставках, переполняют атмосферу стадиона. Джельм, эльф, которого Сирена ласково называет *Аджелъ*, восхищенный кон-

курентом, чутко наблюдал за поединком, но когда заметил, сколько манны тот потратил, посчитал его глупцом.

И сражающийся Джайней пускает ледяной дождь по замороженной волшебнице, нанося серьезный невосполнимый ущерб, после чего она освобождается от чар «оледенения». Затем оба произносят по заклинанию, но человек оказывается быстрее. Во второй раз «ледяной дождь» повергает анафийку. Ее синяя стрела «удушения» затухает, не долетев до цели.

Ошеломленные невероятной магией человека болельщики стоя выкрикивают его имя:

– Джай-ней! Джай-ней! Джай-ней!

Волшебник сферы воды таинственно сдерживал ухмылку. Он вальяжно помахал рукой воодушевившейся толпе и медленно покинул арену.

Эпизод 16

Книга о Дезмонде

Библиотека в Приморской школе имела форму эллипса. Поверх грандиозных островерхих арок с были нанесены бронзовые узоры. В аудиториях стояли столы и скамейки из черного дерева. Стены украшали сочетания туфа и изысканно обработанного красного дерева. В парадном зале и на всех ручках дверей красовался шестикрылый орел – герб графства. Сама птица олицетворяла мудрость, а шесть крыльев означали, что ей дано больше, чем остальным.

Алейн и его новый друг вновь встретились в книжном зале. Аркос бросил книгу, вырезанную из черного дерева, на стол перед сыном графа. На обложке гравировка в виде раскрывающегося гнезда, содержащего яйцо дракона.

– Смотри, что я нашел, – довольно лыбится старшеклассник.

– Ух ты! Это же символ самого Дезмонда! – не может поверить своим глазам маленький де Лар.

Он переворачивает обложку, проговаривает вслух по слогам имя автора и негодует от неожиданности:

– Франциска... де Лар.

Алейн переглядывается с другом, который замер на пару секунд, затем уточняет:

– Это же твоя мама?

Младший, затаив дыхание, подтвердил, и Аркос продолжил расспросы:

– Твоя мама пишет книги?

– Получается, что да.

– Не терпится прочесть.

– Давай почитаем!

В пустом зале они начинают листать недавно попавшую в библиотеку книгу и никак не могут оторваться:

«Веками прошлыми назад в горах собравшийся парад в плен забрал мужчин со скалистых вершин. И главный враг – вождь вампиров, в тот самый срок собравший гномов, повел кормить своих зверей. Убив царя *Дарана*, ушли они во мрак тумана.

В холмах за пустошью смертей в засаде ждут войска людей.

Нежити ближе к утру взошли на смертову тропу. С холмов те люди опустились, спасти всех гномов устремились. Щитами прочными своими антартонов в круг задавили. Но нарвавшись на толпу им тягость перепала. Тут вместо тысячного зла бой оказать двум надо стало. Ведь гномов, павших на войне, подняли силой некромантии. Теперь прибавилось вдвойне к числу злодеев в черной мантии.

И под зарей, скрестив мечи, сражались нежити с людьми. Живые восставших щитами стеснили, клинками своими на куски зарубили. Но кого из людей усталость брала, тех сразу к себе смерть забрала. И бьются они, пока одна из сторон не сотрется с земли, уснув вечным сном. И казалось живым, что победа близка, но даже заря не спасла те войска.

Тысячи четыре неподвижных костей: половина восставших, половина людей. Под гербом со львом один Дезмонд дышал, в кровавых порезах усталый лежал.

И затряслась земля. Тучами небо затянулось. Тенью укрылись поля. Гномы, прячась, пошатнулись и придались мольбам к богам.

Восстал герой, отважившись в бой. Волшебные свойства доспехов устройства исцеляли все травмы, защищая от раны. Явились под тенью еще мертвецы. Достал он из ножен свои близнецы.

Набежали вампиры быстрее лошадей, не ведали гномы кого-то сильнее. Вонзились клыками в дань, отпили всю кровь и пустились на брань.

Дезмонд, ловко вращаясь, к себе не пускал, сам разил их, сражаясь, на них гнев набросал. Светловласого гнома заслонив за спиной, отступая, от ударов укрывал он собой.

Пока Дезмонд на себе всех держал, гном от борьбы все дальше бежал.

Сотни нежданно пали от искусства бойца, что хладнокровно раскрыл всем вампирам сердца.

Тряслась земля, ломались скалы. Теперь пора пустить накалы. Две звезды пред Дезмондом явились, что ослепительно в глазах светились. Раздался голос сотен гроз, предстал тот самый Эхеллиос. За каждым шагом короля шаталась тленная земля. От себя изливая непомерную мглу, отправил героя в земную кору.

Пожертвовал Дезмонд в схватке с судьбой, приняв от смерти неравный бой. Не стало войска, чтоб к людям вести. Остался нежить, мертвецов завести.

Предсмертная пустошь носит с тех пор название локации „*гибелью скор*“.

И в Эсперансе спустя много лет на море огромный возвели монумент: на доспехах узоры, высотой словно горы, из растений основы его орлиные взоры. Сплошь из мышц его тело, смотрит вдаль он смело. Скрестив клинки роковые, ловит Дезмонд волны морские. Вечная память и вечная честь. Спасенные жизни героев не счесть».

Титана, возвышающегося над морем Дюале, видно со всех берегов Эсперансы и северных Лара. Даже из окон приморской школы можно восхититься архитектурным шедевром.

Алейн поднял глаза и уставился на Аркоса, затем задал необычный вопрос:

– Ты что-нибудь слышал про воскрешение?

– В общих чертах. Ты думаешь, это возможно?

– А что, если да?

– Мы всего лишь дети.

– А ты представляешь, если бы Дезмонд воскрес?

Аркос, призадумавшись, замолчал.

– Его одного хватило бы, чтобы побороть половину врагов! – воодушевился сын графа.

– Да, это многое поменяло бы.

– Нам надо почитать что-нибудь на эту тему!

– Алейн, не существует такой литературы.

– Откуда ты знаешь? Попытавшись, мы ничего не потеряем.

– Не знаю, во что ты меня втягиваешь. Но ладно.

Эпизод 17

Амфитеатр

На величественном эллипсе площади главной арены Арачнакана шла подготовка воинов в элитный орден. Готическое сооружение состояло из сотен темно-бронзовых арок и тысяч колонн с черным сплошным балконом. Со стен шести острых закрытых башен происходящее надежно контролировали зоркие лучники. Половина стадиона темно-красного гранитного камня располагалась под гербами всех четырех графств. Другая половина была засыпана песком. В центре площади, над фонтаном, плавно изливающим красную жидкость на трупы вампиров, застыла устрашающая черная статуя Дезмонда, грозящая клинками-близнецами. За балконом на черных ступенях виднелись пустые места для возведения памятников будущим героям. Единственным воином, удостоившимся этой чести, являлся *Крон* – главнокомандующий солдатами в битве на «Гибелью скор», в составе которых был сам Дезмонд.

Другим названием «Амфитеатра» было «*Эллипсион*» – из-за соответствующей идеальной геометрической формы.

Мало кто мог заслужить почетное звание элитного воина ордена Дезмонда. Согласно королевскому закону объединенных феодалов Арачнакана, отбор проводился из мужчин – от крестьян до придворных самого короля, обладающих одинаковыми для всех правами. Исключение составляли отдельные кровники волшебников, обделенные десятилетиями назад самим Аврело.

Каждую зарю упорный сын Сальвадора встречал одиночной тренировкой, пока остальные еще не предавались сну. Ни погода, ни усталость не могли помешать Ракши в его стремлении к непобедимости.

Кротко преклонив пред гербом колени, он молился *Илакелю*, готовясь к беспощадным тренировкам. А после завершения ритуала четырнадцатилетний мальчик несется по площади, подобно буйному ветру.

Очерствевшие кости его кулаков и голени наносят удары по веревкам, намотанным на деревянном чучеле.

Спустя час, после каши на завтрак, в Эллипсион вступают пожилой *Алмоний*, кандидаты и воины ордена. На граните тренируются воины ордена отдельно от пока недостойных кандидатов, занимающихся на песке. Как обычно, недооцененному мальчику не достается партнера.

Алмоний, давно приметивший талант в юном даровании, наставляет:

– Ракши, встань с *Граносом*.

Гранос был самым перспективным среди кандидатов. Темноволосый мужчина состоял сплошь из сухих мышц. Неодолимая щетина лишней раз подчеркивала мужественность его строгих глаз и сломанного носа.

Ракши бился очень быстро, но более опытный партнер оказался еще быстрее и намного сильнее. Спарринговались они в полную силу, и обоим приходилось нелегко. Постоянно проигрывающий мальчик нисколько не уставал, а партнер вскоре изрядно запыхался. С каждой атакой координация принца превосходила все ожидания. Уже сейчас мужчина видел в Ракши непревзойденного воина, если тот сумеет не свернуть с верной «тропы».

Эпизод 18

ДОБЫЧА

Солнце восходит над тропиками, пробиваясь сквозь воздушные облака. Согнувшиеся под недавним гнетом безжалостной жары деревья, наконец, потянулись к небу, утолив изнурительную жажду. В маленьком лагере де Лара еще слышен легкий стук последних капель ночного ливня. Его команда теперь имеет возможность вдоволь напиться и восполнить запасы воды. Как обычно, повинувшись чувству долга, граф первым встречает рассвет. Подняв на ноги остальных, приказывает скорее разбудить Амадея, чтобы двинуться в путь. Собирая чертежи и рукописи в своих палатках, о вопрошающе смотрит на бесцеремонно забежавшего Гермэка.

– Милорд, мы не можем ни зайти, ни разбудить Амадея. Дерево перекрыло к нему проход, а сам кузнец не отзывается.

Манрике выскакивает из покоев и, устремившись к палате толстяка, кричит:

– Лами, быстро ко мне.

Лами, собирающий свои вещи, бросает все и бежит к командиру.

– Здесь.

– Проникаешь внутрь и докладываешь, что там.

– Но я не смогу...

– Выполнять.

Граф, желая оценить обстановку, немного отходит от лагеря. Под мокрой густой зеленой растительностью он обнаруживает на земле еле заметную вмятину. Опускается на одно колено и ладонью убирает траву в сторону. Присматриваясь, понимает: это след. «Олень», – думает граф.

Забравшись на лежачее дерево, которое перекрыло вход к Амадею между каменной глыбой, актер пытается придумать, каким образом исполнить приказ. Но он не может даже руку просунуть, не то что самому проникнуть внутрь. Остальные члены отряда рассеянно наблюдают за этой картиной. Лами, не понимающий упрямство командира, желает снять с себя ответственность:

– Не получается!

– Что будем делать? – интересуется голубоглазый гном.

Издали раздается решительный голос графа, шагающего в их сторону со свойственной ему уверенностью.

– Ты заберись на глыбу, – указывает пальцем на актера. – Ты и ты – схватитесь за концы ветвей и тяните по эллипсу, образуя острый угол к началу основания, – тычет на Берто и Гермэка, держа в руке массивную палку. Просовывая ее между лежащим деревом и каменной твердью, он образовал рычаг.

– Три, четыре... тянем! Три, четыре... тянем! – командует лидер, надавив изо всех сил на рычаг. Берто с Гермэком под счет тянут за ветви, как было приказано. Им удалось слегка сдвинуть массивный столб. Замычали верблюды. И актер с бурдюком проскальзывает внутрь.

– Лами, что там? – прокричал Берто.

Лами увидел бледного лежащего приятеля и начал его трясти, чтобы разбудить:

– Проснись, проснись.

Чуть застонал кузнец и Лами заорал:

– У него жар!

– Дай ему воды, – распорядился де Лар.

Если бы они обрезали канаты, то у них не осталось бы ресурсов на будущее для ночлега и прочих нужд. Зная толк в тонкостях выживания, лидер ко всему подходит практично.

Лами, ухаживая за Амадеем, дает ему попить и подбадривает, как может:

– Дружище, держись.

Оттащив дерево, Манрике тоже проникает к пострадавшему сослуживцу. Достает из кармана лекарство, мешает с водой и дает Амадею попить. Затем шутливо укоряет:

– Что же ты не отзывался, когда мы тебе кричали?

Приняв средство, кузнец на полном серьезе отвечает:

– Милорд, я не слышал...

– Ничего. Вставай, идем.

Берто, Гермэк и Лами ожидали, что поднять Амадея будет куда сложнее, но, к счастью, лекарство оказалось эффективным. Громадный кузнец без труда встал сам, и они последовали за лидером.

– Как же я голоден! – Амадей в своем репертуаре, жалуется на голод, внезапно подведший его желудок.

– Почему я не удивлен? – улыбается Гермэк.

– Я серьезно.

– Ты всегда голоден, дружище, – добродушно улыбается гном.

Лами догоняет командира, всегда готовому ко всему, и с любопытством начинает диалог:

– Можно вопрос, господин?

– Ты хочешь спросить про лекарство?

– Но как ты узнал?

– Не важно, – загадочно улыбается граф, не отрывая взгляда от дороги.

– Амадею намного лучше.

– Это средство моей семьи.

– Оно лечит все?

– Не все, Лами, но жар от инфекций снимает.

Остальные, двигаясь вслед за Манрике и Лами, внимают разговору. Вдруг Манрике резко остановился, удержав строй рукой, и зашептал:

– Тихо! Всем лечь!

Все сразу же падают, а Берто интересуется:

– Олень?

– Лезешь на дерево с луком, – обращается граф к драбанту, затем переводит взгляд на актера: – ты идешь маскироваться, а ты, Гермэк, садишься на верблюда и гонишь оленя к Лами.

– А мне что делать? – спросил Амадей.

– А ты и так потерпевший, стой рядом и молчи, – ухмыльнулся граф, а за ним тихо захохотали остальные.

– Ну что за издевательства? – с улыбкой ответил толстяк.

– Кто-то весь день жаловался на голод, парни, не помните кто? – намекает Лами. – Подождите, дайте угадаю... Амадей?

– С тебя хватит, дружок, – Берто с иронией хлопает по плечу голодного приятеля.

– Очень смешно, парни! – с сарказмом пытался парировать кузнец.

– Так, за дело! – прервал издевательства де Лар, призывая к работе.

Манрике и Амадей прячутся на добывание. Гермэк на верблюде начинает преследование. Но олень явно быстрее, и светловолосый гном, направляющий добычу в ловушку, за ним не успеет. Неожиданно для животного из-за листвы выныривает Лами, прорезая оленю бедро и перенаправляя в нужную сторону. В поле зрения Берто, забравшегося на дерево, попадают уже не такой поворотливый и быстрый олень и Гермэк, догоняющий преследуемого. Драбант, прицелившись, замер в ожидании, пока олень окажется на нужной дистанции, где высокая растительность не помешает стреле настичь жертву. Так и случается, Берто пускает

стрелу, животное падает. К поверженному оленю стремительно подбегает Манрике, вслед за ним бежит Амадей, и граф добивает несчастное животное.

Команда возвращается в лагерь и наконец-то позволяет себе нормально поесть шашлыка. В ночном лесу больше всех доволен, конечно же, Амадей, жадно набросившийся на добычу. Казалось, что вместе с едой он проглотит и собственные руки. И Манрике опять подшучивает над кузнецом:

– Кушай, кушай. Все твое, все твое.

– Спасибо, господин! – с благодарностью глядя на де Лара, отвечает счастливый Амадей, не отрываясь от еды.

Эпизод 19

Откровение короля

В тронном зале Эсперансы, где обычно обсуждаются дела государственной важности, располагаются три двери. Первая ведет по лестницам в башню к королю, вторая – к генералу, а третья является входом в сам зал. Из окон на пол тронного зала днем падали солнечные блики, а вечером в них мерцали звезды. А когда луна сияла голубым, комната словно погружалась в волшебство.

Задумчивый Аврело восседал во главе стола при тусклом свете свечей, позабыв о том, что послал за братом, и читал письмо: «Дорогой Аврело. Мой ответ на твое письмо – буду рад встретить тебя в Норюэле. Я отправил летающий корабль за тобой в знак моей искренности. Твой друг, Мэрфэл».

– Аврело? – вдруг прерывает чтения короля родной голос.

– Сальвадор?

– Ваше сиятельство, генерал Сальвадор прибыл по вашему приказу, – склонив голову, доложил посыльный и удалился.

– Так ты не звал меня? – с удивлением поинтересовался генерал.

– Нет, что ты. Звал... просто задумался. Присядь, – ответил слегка рассеянный король и плавным жестом руки указал, чтобы брат присел рядом.

Сальвадор присаживается к брату и спрашивает:

– Что-то случилось?

– Да, брат. Я уже стар.

Генерал внимательно всматривается в глаза короля, пытаясь понять, к чему он ведет. Сменив строгость на легкую улыбку, хотя и в шуточной форме, но сдержанно отвечает:

– В этом ты не одинок.

– И даже наследника не оставил. Все ли я в своей жизни сделал правильно? Даже не знаю...

Сальвадор с сожалением опустил глаза. Затем, положив руку на плечо брату, гордо молвил:

– Мы этого уже никогда не узнаем, но одно я знаю точно.

– Что?

– Для нашего государства ты сделал больше, чем кто-либо.

– Ты ошибаешься, брат мой. Именно при моем правлении нас обременили данью.

– Это не важно. Нежити при твоём правлении были сильнее, чем когда-либо. При самом лучшем раскладе такое бы случилось и с предыдущими королями. Но главное то, как ты выстоял, что экономика процветает, растут силы армии и элитных отрядов. Развиваются духовные ценности, повышается уровень жизни населения.

– Ты будешь хорошим королем после меня.

– А разве ты оставил мне выбор? – снова подшучивает Сальвадор, на этот раз позволив себе улыбнуться чуть шире.

Слуги заходят с подносами и вином, а король машет рукой, приказывая им выйти. Задев служанку, которая роняет вино и чаши, заходит Ракши. Но сын генерала ловко подхватывает посуду, а глиняный кувшин с напитком удерживает на ноге. Смутившаяся прислуга забирает у мальчика пойманные им подношения, кротко кивнув, устремляется к выходу.

– Ракши! – Сальвадор обращается к сыну.

– Отец? – принц удивился, увидев отца в столь поздний час.

– Почему так поздно?

- Прости, отец. Я тренировался.
 - Сальвадор, ты воспитал прекрасного сына, – вмешался заулыбавшийся Аврело.
 - Да, но он слишком мал, чтоб приходить так поздно, – недоволен брат короля.
 - Он умен и силен не по годам. А значит, заслуживает быть более самостоятельным. Ты так не считаешь? – настаивает старший в семье.
 - Может, ты и прав, – призадумался генерал.
 - Иди спать, сынок, – ласково обратился Аврело к своему племяннику.
- Ракши покорно опустил голову перед тем, как подняться в башню в свои покои.

Эпизод 20

В поисках Кулмата. Часть 1

Отряд орков ищет пропавшего племянника Равхала. Ночью в тропическом лесу очень холодно. В то время как главный орк спит, остальные что-то очень бурно обсуждают:

– А если Равхал найдет мертвое тело Кулмата? – встревожился *Гоки*, сын *Моху*.

– Об этом я не подумал, – отвечает не очень умный, как и его друзья *Гóхад*, сын *Гулкаса*.

В этот момент к костру подходит *Бóркат* со словами:

– В чем дело?

Юноши переглядываются, и сын *Бóрката*, *Пекас* отвечает:

– Отец, мы не хотели, чтобы так вышло.

– Как вышло?

– Кулмат, упавший в овраг, погиб, – перебил своего друга *Гоки*.

– А *Гóхад*, испугавшись, соврал Равхалу. И теперь мы не знаем, как быть, – продолжил сам *Пекас* в ответ отцу.

– Вот вы глупые щенки, – сердито фыркнул *Бóркат*, в глазах его отразился ужас.

– Отец, помоги. Ты же умный.

– Быстро спать, – зло прорычал отец. Когда малышня разбежалась, *Бóркат* прошептал: – Я что-нибудь придумаю.

Юные зеленокожие орки, запутавшиеся в свете последних событий, разбежались по палаткам, как и приказал один из старших. Сам *Бóркат*, усевшись у костра, с тревогой смотрел на танец огня. Отдавшись размышлениям, строил планы о том, как выбраться из этой опасной ситуации. Он слишком сильно себя любил, так же как и дорожил жизнью *Пекаса*, чтобы ошибиться. Ведь Равхал им не простит.

Эпизод 21

Полуфинал

Единственной причиной выступления молодого Эрикеля являлся таинственный приз, об истинной ценности которого многие даже не догадываются. Правитель Арии Вариэны – государства эльфов Мэрфэл получит умопомрачительные доход и славу, которые разделит с чемпионами Илани-авриаты. Помимо аскеральд, для волшебников главный приз – «Золотое руно». Предание гласит, что оно способно приумножить уровень духовной манны и частоту критического урона волшебника. В недобрых руках – это опаснейшее оружие. Но на деле эта легенда так и не подтвердилась. Однако вечно улыбающийся монах знал больше, чем остальные. Побужденный тем, чтобы подвеска не попала не в те руки, Эрикель вышел на арену. В особенности недоверие вызывают первородные, слух об участии которых донесся до монастыря Флессии. Альтруист и волонтер не смог оставаться в стороне.

Фиолетовый свет падает на арену, на которую вальяжно выходит главный фаворит среди волшебников – сам Джельм под гербом Джесснури, хотя родом он из Норюэля. Потому что первородные отбирались только под гербом столицы. На противоположной стороне воспрянул духом волшебник из чудо-города. Волнистые пряди его светлых волос с особым шармом зачесаны назад и почти полностью прикрыли шею. Янтарные глаза и ямочки на щеках дели эльфа еще более обаятельным.

Сирена искренне верит в победу восхитительного первородного мага. Люди, конечно же, хотят, чтобы победил менее сильный, ведь чем слабее противник, тем больше шансов будет у них. Гномам все равно, кто выиграет, для них главное – заработать на этом, и они ставят на древнейшего чародея.

Ауры охватывают конкурсантов. Главный судья поднимает левую руку. Судьи-сторонники оглядываются друг на друга и переводят взгляды на арену. Эрикель и Джельм приветствуют друг друга кивками. С ударом молнии начинается поединок.

Первородный готовит заклятие «мечь земли», чтобы шипы земных скал быстро сокрушили оппонента. Но хитрый монах прошептал более быстрое заклинание «вспышки», на миг ослепив фаворита. Разрушительная земля обходит стороной улыбчивого блондина, и он атакует два раза энергетическим шаром. Песочной воронкой Джельм успевает обезвредить лишь один, второй наносит неслабый урон его ауре. Джельм в очередной раз готовит «мечь земли», на что еще раз получает «вспышку». Это заклятие проникает, даже если закрыть глаза. Оно настолько шокирует, что испытывающий его последствия теряет ориентацию в пространстве, равновесие и запросто может даже упасть. Фаворит прекращает чтение, заменив его другим. И в тот момент, когда Эрикель, считая, что противник промахнет, а он в свою очередь метнет шар в фаворита, Джельм поступает хитрее. Никто и представить не мог более эпичного заклинания. Под ногами волшебника сферы жизни открываются недра земли. Ядовито красный вулкан в клубках черного дыма прошел сквозь Эрикеля, опустошив его аuru. На всякий случай первородный пустил «мечь земли», все же противник опять вызвал «вспышку», и древний маг промахнулся в очередной раз. Настойчивый блондин снова бросил энергетический шар в соперника. Разозлившийся первородный еще раз прочел «мечь земли» в надежде, что манна у оппонента закончилась. Но снова получает «вспышку» и атаку шаром в ответ.

Высокомерный фаворит уже не так уверен в своей победе. Даже зрители начали сомневаться после того, как Эрикель выстоял после вулкана. А Сирена, подозревающая в чем-то нечистом всех участников, скрестила пальцы, переживая за Джельма.

Отчаянный первородный, аура которого похожа уже на вялый, еле заметный пар, как и у конкурента, в очередной раз заклиняет «мечь земли». Эрикель шепчет «вспышку», и наконец, она не проходит, потому что его манна закончилась.

Джелм выдыхается, его озлобленное лицо вспотело от волнения. Он откровенно радуется. Очевидно, если бы это был первый бой, то у Эрикеля было бы больше манны, и он бы победил. Одной несильной атаки хватило бы, чтобы сокрушить именитого фаворита.

Первородная Сирена – волшебница сферы жизни не смогла победить Джельма лишь потому, что так и не сумела найти и выучить таинственное заклинание «вспышки». Она взволнованно следила за исходом матча, где аура обоих претендентов была на волоске от проигрыша. И погасла полностью только у альтруиста, а Джелм своей победой лишь закрепил за собой звание фаворита.

И снова по площади проплывает фиолетовый свет. Начинается второй поединок полуфинала. На арену приглашают Джайнея, которого уже ожидает гном водной стихии. Сверкает молния. Соперники обмениваются атаками: человек начинает с «обезвоживания», а противник с «заморозки». Проклинающие чары Джайнея чуть ли не мгновенны, поэтому он успевает наложить на себя «восстановление» перед тем, как оказаться замороженным. Голова гнома закружилась, во рту пересохло, в глазах начало двоиться. От повышенной температуры пропотевший *горсариец* утратил нужную концентрацию. По покрывшемуся льдом Джайнею запросто можно было нанести два, а то и три магического залпа. С трудом собрав мысли, гном сумел четко прошептать «*Revvi galii*» лишь раз. В небе образовалась воронка густых облаков, и ледяные стрелы обрушились на человека. Благодаря магии «восстановления» ледяной покров слетел с Джайнея раньше задуманного противником. И даже после атаки горсарийца загадочный человек исцелился почти полностью. В ответ, ударив тем же ледяным дождем, он дважды подряд перебил заклинание гнома. А на третий нанес гному окончательное поражение.

Гномы, рискнувшие поставить против малионца, оказались в проигрыше на радость Рамону Безбородому, с трудом сдерживающему свою хитрую ухмылку.

Эпизод 22

Подготовка к Норюэлю

Глубокой ночью, когда все достопочтенные представители власти спали, Аврело и Сальвадор засиделись за вином, увлекшись братскими разговорами.

- Я все еще не знаю, как нам избавиться от дани, – говорит старший.
- Я бы сделал ставку на увеличение численности населения, в том числе и войска.
- Хорошая мысль, развивай ее, пока меня здесь не будет.
- Ты куда-то уезжаешь?
- Да, в Норюэль.
- Зачем?
- Хочу поведать старого друга.
- Но там сейчас Илани-авриата.
- Верно. Остаешься за главного.
- Ладно.

Аврело встает и направляется в сторону выхода. Сальвадор кричит вслед:

- Ты куда?
- Проводишь меня?
- Ты же выпил!

Никак не отреагировавший на замечание брата Аврело исчез из виду, спустившись вниз по ступеням. Сальвадор поднимается на ноги и спешит догнать короля. Они выбирают за дворец к гавани, где вечно занятый генерал наконец-то замечает у причала огромный красный корабль. Стоя на каменных плитках, они наблюдают не просто судно, а единственный в своем роде шедевр. Волнистой формы корпус обладает крыльями, словно птица. Он окутан в золото экзотических узоров, подобных которым не встретить в Эсперансе. Скуловой стрингер обхватил нос таким образом, что изящно обтекает ко дну. Бушприт из темного золотистого кристалла находился в объятиях динамизатора, который улучшает аэродинамику и фиксирует якоря под собой. От бортов к белым плавникам опускаются закрученные в веревки золотистые нити. И пока король с генералом продолжали беседу, слуги наполняли корабль дарами, с которыми правитель отправится в гости.

- Это то, что я думаю? – спросил младший брат.
- Именно.
- Будь осторожен, не доверяю я этим эльфам.
- А ты береги мое королевство, пока меня нет.
- Все, в добрый путь.

Братья на прощанье обнялись, и король взошел на белоснежную палубу, где сотня эльфийских и сотня человеческих солдат выстроились в два ряда вдоль бортов: эльфы справа, люди слева. Внутри правого фальшборта под действием норюэльского огня возгорались зеленые воздушные шары, а вдоль левого – красные. И чем ближе к бушприту, тем они становились крупнее. В хвосте судна располагалась корма, внутри которой находились гостевые каюты, а над кормой все больше надувался воздушный шар – самый величественный. Аврело направлялся к носу, и по пути его следования эльфы, изящно вращая мечи, вкладывали их в ножны, становясь на одно колено. А те, что оставались позади, поднимались вновь. Люди держали мечи острием в пол, а руки – на навершии, склоняя головы. Мачты шли парами, между которых и выстроились приветствующие короля Арачнакана.

Сальвадор с берега наблюдал, как опускались алые паруса и восходил над ними герб Джеснури. Все сильнее надувалась мириада светящихся шаров. Поплыло судно, и вскоре оно

вознесли над Дюале почти к небесам. С передней части корабля опустились золотые канаты, прикрепленные к плавникам, при взмахах напоминающим крылья птиц. И с каждым рывком небесное тело все сильнее уплывало к звездам, исчезнув вскоре за дозорным монументом Дезмонда и облаками, еле заметными в темноте в последний день весны.

Эпизод 23

Неловкое знакомство

На тренировочной площадке участники игр продолжают свою подготовку. Легкий клинок в руках монсеньора Валтерия вращается, словно веревка. Десять эльфов, его подданных, одновременно атакуют искусственными мечами. Валтерий за счет своей ловкости уворачивается от одного, отражая клинком подряд две атаки, легко забегает за спину солдата и легким движением имитирует перерезание шеи. Один выбыл. Остальные, не теряя ни секунды, продолжают атаки. Отступая, принц то уклоняется, то отражает удары, с разворота бьет кого-то ногой. Затем, отразив следующую атаку, вращаясь, в прыжке двумя ногами бьет еще двоих. Оставшиеся эльфы замирают, а Валтерий со своей неотразимой улыбкой призывает их к бою:

– Чего встали? Нападайте все.

На него нападают все солдаты, он уже ощущает сложность положения: получил по рукам, по животу, а позже – и по ногам. И вот он, сконцентрировавшись, начал махать своим клинком с такой скоростью, что половина атак нападавших не проходила вовсе, а от другой половины он вновь то уклонялся, то отступал.

Остальные тренирующиеся участники «зависли», наблюдая за этой картиной, и не смогли сдержать насмешек. В итоге Валтерия вытеснили на улицу, где он потерял равновесие, споткнувшись о тележку. Деревянные мечи направляются к его горлу. Но изобретательный монсеньор, вместо того чтобы упасть, прогибается назад, оперевшись на одну руку, в акробатическом фляке перебрасывает ноги через себя и пробивает кому-то челюсть, нокаутировав. И вновь встает в изящную стойку, угрожая клинком и завораживая улыбкой.

Старший сын правителя стал объектом наблюдения и обсуждения для местных жителей. Одна из молодых эльфиек на пути домой обернулась, успев заметить трюк Валтерия и его восхитительную стойку. И направилась дальше, когда солдаты снова напали на монсеньора. А он, защищаясь, бросался то фруктами, то посудой, перепрыгивая через лавки, но не позволял слугам останавливаться. Внезапно он столкнулся с леди, которая рухнула, опрокинув с одной из лавок весь мед. Ее кружевное голубое платье испачкалось медом и пылью. Валтерий же, сделав боковое сальто, встал на обе ноги, обратив клинок в пол, а другую руку вызывающе вознес вверх. Услышал недовольство толпы, обернулся и наконец заметил поднимающуюся раздосадованную девушку. Он останавливает своих прислужников движением руки. Дюжина солдат по воле монсеньора закрывают леди щитами и уводят.

Эпизод 24

Столица Арии Вариэны

Летнее солнце одарило своим светом Джесснуру. По чистейшему небу пролетают синие журавли. Природа была чрезвычайно щедра к мейлонству. Деревья коричнево-красных тонов раскрываются зелено-синей листвой. Огромное многообразие цветов самых богатых оттенков, ведь столица эльфов – это самая цветочная земля. На юго-востоке, за необыкновенными лесами и рекою Анэль возвышается единственное в мире дерево-гора.

И даже находящихся в мейлонстве Анафи, в Джесснуре его вид потрясал, будто оно расположено в самой столице. *Красный бранд* настолько объемный, что мог бы вместить в себя город. Испокон веков могучее дерево, линия словно змея, растет. Таким образом у эльфов нет недостатка в древесине и нужды рубить леса. Древесный покров – коричнево-красный снаружи и белоснежный внутри является самым долговечным и износостойким среди всех известных. Огромный и неохватный, словно гора, красный бранд неприступен за счет умения постоянно обновлять свой покров и изменять размеры. Черные корни его оплетали весь лес и впадали в море – Молинею. Его контрастно красные листья растут на относительно небольших, но потрясающих воображение своим количеством ветвях. Есть предположение, что на венце древа-горы есть своя собственная флора и фауна – целые леса и невероятные животные. Но точного подтверждения этому не существует, потому что никому еще не удалось туда взобраться. Только полеты на летающем корабле позволяли получать хоть какие-то знания о таинственном растении, но из-за облаков ученых не рисковали высадиться.

Белые камни стен главного мейлонства покрыты красными и оранжевыми мхами, на которых растут необычные нежные на вид цветы с желтыми широкими лепестками и с темными полосками в центре. Внутри стен находится самый древний в мире дворец арфаонов, в переводе с местного языка означающий «государь» в честь одноименной династии Мэрфэла – пока единственного правителя за всю историю эльфов. Все камни здесь белые и покрыты красной и оранжевой растительностью, а округлые двери и окна из алого золота. В архитектуре сочетаются миллионы арок, окон и колонн. Всюду прекрасные сады с светло-зеленых и желтых цветов, множество скульптур, фонтанов и бассейнов в мраморе. Гербом Джесснуры служит ветка красного бранда на белом фоне.

За прозрачным столом в оправе из красного дерева собрались мейлоны, чтобы обсудить распределение прибыли и расходов от Илани-авриаты с наместником монарха монсеньором Этреем и магистром финансов *Анделасом*. Статус мейлона позволял эльфу править одной из четырех частей Арии Вариэны. Монсеньор – титул наследника правителя эльфов, позволяет руководить в его отсутствие.

– Мы не успеваем с поставками еды, монсеньор *Этрей*, – говорит мейлон Норюэля Амаэль.

– Из-за чего? – интересуется Этрей.

– Люди, гномы едят мясо, а у нас этого нет.

– Придется съездить в *Горсари* к гномам, и мясо нам дорого обойдется.

– На прошлых играх это не было проблемой.

– На прошлых играх мясо привезли нам в дар, – смеется над Этреем *Феракан*.

– Осторожно, мейлон, ты говоришь со своим монсеньором! – смело пресекает Этрей.

Грозно пронзая своими синими, как ночь, глазами глаза мейлона Феракана.

– И в мыслях не было задеть вас, ваша милость, – стыдливо лукавит мейлон земель Анафи.

– Ваша милость, что прикажете сделать? – интересуется Амаэль.

Этрей, скрывая нехватку знаний, говорит:

– Господа, если у вас нет никаких предложений, то мне придется прекратить аудиенцию.
– Ваша милость... – произнес Феракан самым первым, встав на ноги и ехидно улыбаясь, склонил голову и вышел. Потому что с недоверием относился к неопытному наследнику, впервые исполнявшему обязанности старшего.

– Ваша милость... – вежливо поднялись остальные два мейлона – Баэлькор и Амаэль и тоже вышли.

За столом с Этреем остался лишь магистр финансов Анделас, который решил уточнить:

– Монсеньор Этрей, мне тоже покинуть вас?

– Нет, ты останешься со мной.

– Как вам угодно, ваша милость.

– Мне угодно узнать, что важно для расчетов.

– Основной вопрос, как накормить хищных людей и гномов, чтобы не уйти в минус.

– Самое главное рационально распределить средства по времени и финансам.

– Верно. И тут важно знать, сколько у нас гостей.

– И сколько?

– Норюэльские трибуны заполнены шестью тысячами зрителей, три тысячи из которых хищные. Две с половиной тысячи прилетели на нашем корабле в три рейса, пять сотен прибыли своим ходом и тратами.

– Мы очень сильно потратились, привозя их сюда.

– Несмотря на неопытность, вы очень сообразительны, монсеньор.

– Но сколько мы заработали, ведь наши рейсы с прошлого года платные, верно?

– Именно. При затратах в сто *аскеральд* на человека на прошлых играх одно место стоило двести. А в этом году ваш мудрый отец приказал поднять цену до трех сотен.

– Получается, мы заработали пять сотен тысяч аскеральд. В чем наш проигрыш?

– Наш правитель, великий Мэрфэл Арфаон, отправил корабль за королем Аврело.

– И сколько составят затраты?

– Более ста шестидесяти тысяч. Учтены провизия и солдаты сопровождения.

– Тогда какая выгода у нас от этих игр, если нам еще платить за призы?

– В том-то и дело, ваша милость, что у нас останется от прибыли менее трех сотен тридцати тысяч.

– Магистр, возникает еще одна проблема – содержание.

– Все можно обернуть к выгоде, монсеньор.

– Продолжай.

– Затраты на поездку в Горсары пятьдесят аскеральд на человека. Каждый может взять с собой до ста килограммов. Поездка длится более недели туда, более недели обратно, то есть почти двадцать дней. Чтобы мясо не испортилось, еще пятьдесят аскеральд на сто килограммов нужно потратить на *кардовую смесь*. Пятьдесят эльфов привезут пять тонн мяса, потратив двадцать аскеральд на один килограмм.

– Итого затраты составят сто пять тысяч аскеральд.

– Вы хорошо считаете, ваша милость.

– Благодарю, Анделас. Похоже, что вы тоже уже посчитали.

– Вы очень добры, монсеньор.

– Продолжай, прошу.

– При учете рисков, что мясо пропадет или будет перехвачено, сто пять тысяч аскеральд – это существенная сумма. Резерв орков насчитывает один миллион двести тысяч аскеральд.

– Наш ведь в двести раз больше.

– При всем уважении, монсеньор, не советую вам обольщаться. Вы же не хотите, чтобы и у нас стало, как у орков?

– Что ты предлагаешь?

– Вы тут главный, вам решать.

– Цена на мясо у нас возрастет, потому что те, кто будут его продавать, должны получить прибыль, которая, разумеется, и в интересах государственной казны. И мало кто из гостей сможет его себе позволить.

– Если быть точнее, выходя в ноль, оно нам обойдется в двадцать один аскеральд за килограмм. Торговцы меньше десяти аскеральд за килограмм не возьмут. И еще пять – вознаграждение добытчикам.

– Что означает семидесятипятипроцентное увеличение цен, в отличие от привычных для наших гостей у себя на Родине.

– Да, мой монсеньор. И поэтому вам решать, брать деньги из казны, чтобы мясо обошлось по привычной для гостей цене, или принимать более сложные меры.

– Наши гости весьма состоятельные, раз могут себе позволить поездку на летающем корабле, вместо того чтобы тратиться только на мясо, – Анделас замер, уставившись на неопытного наместника Мэрфэла. Мясо ведь никто не купит, и его придется выбросить, потому что после перелетов на Эйфавелле у гостей денег много остаться не должно было. А если поставить цену в тридцать аскеральд, то разрыв стал бы несущественным. И Этрей продолжил: – Ставьте пятьдесят, магистр.

– При всем уважении, ваша милость, ваш отец на вашем месте поставил бы цену в тридцать аскеральд.

– При всем уважении, магистр Анделас, когда мой отец будет на моем месте, тогда пусть ставит цену, угодную ему. А пока я исполняю обязанности решающего лица, так что... И будь любезен, исполнять.

– Вы – закон, я повинуюсь, – магистр поднялся на ноги, покорно склонив голову, вежливо произнес: – Ваша милость... – и завершил аудиенцию. А принц уселся в раздумьях: «Я не могу доверять никому и должен сделать расчеты исходя из бумаг, которыми обладаю, сам. Проверить каждого и поймать злоумышленника. При моем отце никто не посмеет провернуть аферу, но при мне такую выходку выкинуть кому-то будет за радость. Когда как не сейчас кто-то может хорошенько заработать, если во главе государства неопытный наследник?»

Эпизод 25

Дипломатия на опережение

Оканчивая тренировки позже всех, принц Арачакана вновь ступает каждое утро на площадь Эллипсиона при свете первых лучей. После регулярной пробежки в качестве завершения разминки он притащил громады мешков, нагрузив мышцы перед первой, основной частью.

Развивая силу удара, он метал булыжники, которые весили от пяти до десяти килограмм. После каждого выстрела он пробежал со всех ног вслед за снарядом. Ракши повторял упражнение до изнеможения, отгораживаясь от всего мира, полностью отдаваясь тренировке.

Обладая в высокой степени развитым чутьем и боковым зрением, воин замечал каждый шелест в амфитеатре, в особенности затаившегося на балконе отца. Облокотившись на парапет, статный Сальвадор гордо следил за самостоятельным и ответственным не по годам сыном.

Ракши неустанно трудился, усердствуя в своих нетрадиционных упражнениях. Из-за существенного расстояния между генералом и его сыном седовласый был убежден, что остался вне поля зрения мальчика. Надкусив яблоко, он швырнул его в маленького атлета. В мгновение ока Ракши развернулся, и поймал фрукт вытянутой рукой, на которой выступили вздувшиеся вены. Суровый наблюдатель наверху разворачивается, взмахнув темным плащом, и исчезает за ограждениями.

Вскоре в амфитеатр подтягиваются остальные. В несвойственном ему духе Ракши провозирует одного из соратников:

– Вы не солдаты.

– Да что ты, малыш, – отвечает один из тренирующихся.

– Ты, – обращается Ракши к кандидату, который первым вызвался ответить, – покажи, что можешь.

В ответ тот рассмеялся и продолжил отработку приемов с партнером, но Ракши не сдался и провел ногой по песку так, что обсыпал оппонента, который не сумел сдержаться:

– Ах ты, щенок! Думаешь, если ты принц, то все тебе можно?

– Да, именно. А вы вместе со своим любовником можете надеть юбки.

Мужчина выпрямился, почерствав лицом, и напряженно направился в сторону провокатора. Но его деревенский напарник попытался усмирить друга:

– Не надо, – переглянувшись с ним, и после небольшой паузы продолжил: – Я сам, – и набросился на принца.

Алмоний внимательно наблюдает, но не спешит остановить стычку.

Ракши уворачивается от взмаха набросившегося мужчины и подсекает ему ноги. Оппонент, теряя равновесие, пролетает ногами вперед, упав на лопатки.

– И это все, голубчик? Твой дружок так же хорош, как ты? Или вы все тут пришли цветочки собирать?

Воины ордена замерли, восхищаясь храбростью выскочки. Оставшаяся половина, претендующая на элиту, не отличалась высокой самооценкой и была задета нахальством наследника.

В это время в приемной ордена исполняющий обязанности правителя генерал Сальвадор с дюжиной драбантов принимает необычного гостя – представителя иной расы. Это мужчина с синими глазами яблоками и белыми светоносными зрачками, столь же широкими, как у эльфов, и с такими же, как у них, ушами. Только он не был эльфом. Его абсолютно симметричные брови напоминали волны, как и золотистые волосы и борода.

Кожа его была гладкой, словно розовый бархат. От падающего из окон солнечного света на ней мелькали блики.

– Милорд, позвольте поблагодарить за честь, что вы оказали, приняв меня.

– Вы очень мудры, аксакал *Луиджи*. Я не мог отказать вам, – отвечает Сальвадор гостю.

– Милорд, вы очень добры.

– Уверен, новый уровень наших отношений приведет к развитию и процветанию представителей обоих наших народов.

– Милорд, вы очень рассудительны. Не смею не согласиться. Я пришел с дарами, – дипломатично улыбается гость, заметив, как загорелись глаза генерала. И продолжает: – Это шелка и драгоценности, – Луиджи отворяет сундук.

– С удовольствием приму ваши дары, аксакал. И все же мы собрались не дары обсуждать, а благополучие. Вы желаете приюта в нашем государстве для вашего народа и хотите иметь голос в совете, а взамен обучите избранных мною людей.

– Милорд, совместно избранных людей. И для начала не людей, а человека. Постигание сокровищ моего народа – наисложнейшее ремесло.

– Аксакал Луиджи, я дарю вашему немногочисленному народу поместье под горой *Корсель* в графстве Малионис. Также вы станете полноценными гражданами нашего государства и будете нести всю ответственность перед остальными гражданами в силу законов королевства Арчнакана.

– Мы будем в бесконечном долгу перед вашей мудростью и благосклонностью королевства.

– Так мы поможем друг другу?

– Милорд, с вашей выдающейся дипломатичностью и моим смирением иначе и быть не может, – закончив обмен любезностями, джинн вместе с генералом прислушались к звукам дикой бойни.

Выбежав на балкон, они застали неслыханный хаос на тренировочной площадке. Беспорядочно бьются друг против друга кандидаты в орден, а воины элиты наблюдают.

– Что происходит? – возмутился генерал.

– Смотрите! – восклицает Луиджи, указывая на мальчика и Граноса, бьющихся бок о бок против всех.

– Наставник, доложить! – приказывает Сальвадор Алмонию.

– Генерал, Ракши с Граносом оттачивают свои навыки.

– То есть ты хочешь сказать, что все так и задумано? – недоверчиво, чуть повысив голос и нахмутив брови, спрашивает наместник короля.

– Блестяще, наставник. Вы преподали полезный урок вашим лучшим подопечным-кандидатам – урок выживания, и вам это даже не стоило усилий! – Восхищен джинн.

– Что? Вы одобряете? – генерал пытается оценить мнение аксакала.

– Милорд, еще бы! – сопровождая речь надменной улыбкой, продолжает двухметровый джинн: – Если даже славное меньшинство проигрывает, то они окрепнут физически, если победит, то их уверенность укрепит еще и духовной силой. А больше всех выигрываем мы.

– Мы? – еще сильнее поразился Сальвадор.

– Мы, милорд. Ясно, как день, станет, кому будем открывать тайны моего народа.

– Ваша мудрость не перестает меня удивлять, аксакал, – встревожен и одновременно восхищен генерал.

– Милорд, вы очень добры. Но вся заслуга целиком принадлежит гениальному наставнику вашего ордена, – проявляет себя с благородной стороны мудрый и хитрый джинн, таким образом заручившись расположением и Алмония.

Как бы ни казался быть равнодушным Сальвадор, внутренняя тревога не покидала его ни на секунду. Но не дрогнули ни лицо, ни рука, непоколебимого могучего генерала. После каждого удара, нанесенного по Ракши, в груди отца кровоточили все новые шрамы. Хорошо, что искусный Гранос с безграничным рвением прикрывал бесстрашного мальчика. Перебита уже

треть соратников, Гранос выдыхается и пропускает удар ноги в подколенный изгиб от одного из оппонентов и боковой в грудь от другого, падая на окровавленный песок. Не ведающий страха принц отбирает у атакующего противника деревянный меч в развороте через, зажав в подлокотном изгибе. Затем пробивает лоб другому противнику. От стука деревянного меча о лоб мужчина мгновенно оказывается на лопатках без сознания.

Глаза джинна горят все ярче. Он видит то, что искал: юных лет мальчишка, не знающий усталости и страха, страстный и ловкий.

Отступая, Ракши переключает внимание солдат с лежачего Граноса на себя. Ловко отражая атаки двумя вновь добытыми мечами, он резво пятится и неожиданными рывками наносит им увечья. Непредсказуемо, в развороте отражая одну атаку правой рукой, метает палку левой и вырубает еще одного из толпы. У кого-то выходит столкнуть принца, который, споткнувшись, попадает в руки одному из тяжеловесов. Тот выкручивает руку Ракши, попытавшись взять на болевой, но мальчик совершает сальто и, просунув свою руку под мышку сопернику, проводит бросок через бедро. Наступая на упавшего мужчину, он мчится к тупику, за ним бегут еще трое. Принц пробегает вдоль стены в угол, отталкивается от нее, атакуя с ноги, выключает еще одного. Все, кто был отправлен в нокаут прежде, уже успели восстановиться и поднялись. Они схватили Граноса и уже вот-вот достигнут великолепного принца, который даже не мыслит о том, чтобы сдаться. Но тут раздается грозный голос:

– Довольно!

Воины обернулись и тревожно поспешили выпрямиться, склонив головы, увидев пышущее гневом лицо генерала.

– Воители ордена, в строй! Кандидаты в орден в строй! – приказал Алмоний. И все, кто на арене – не важно, лежат они или стоят – быстро образовали ровный строй.

– Ракши, Гранос! Ко мне! – кричит генерал, будто пуская громы и молнии из глаз. Довольный, с какой скоростью провинившиеся поспешили исполнить приказ, наместник правителя устремился в приемную. Алмоний и Луиджи последовали за ним.

Ракши, томимый угрызением совести, покрытый ушибами и порезами, со следами крови и грязи, прибегает к отцу и докладывает, как подобает воину:

– Рядовой Ракши Эсперанский по приказанию генерала Сальвадора прибыл.

В очередной раз еще сильнее засветились глаза джинна, который подумал: «Эсперанский? Из рода королей! Все подтвердилось». Не успевая за Ракши, усталый Гранос подбежал следом:

– Рядовой Гранос Абеле по приказанию генерала Сальвадора прибыл.

– Рядовые, это что за безобразие? – возмутился наместник короля.

– Мой генерал, я посмел взять на себя больше, чем смогу унести, – сознался принц.

– Слышишь, щенок, не смей тут философствовать! – еще сильнее разозлился отец.

– Это моя вина, мой генерал. Я спровоцировал драку, а Ракши пришлось за меня заступиться, – пытается прикрыть мальчишку Гранос.

– Мой генерал, виноват только я. Наказывайте меня, – настаивает принц.

– Милорд, если вы позволите... – перебил Луиджи, плавно кивнув головой.

– Прошу, – отвечает Сальвадор джинну, злобно сжав зубы.

– Для тех, кто не знает, я Луиджи, имеющий почетный титул аксакала – мудреца среди живущих, чье слово на вес с золото и не может быть обделено вниманием ни у одной из рас.

– Мое почтение, аксакал Луиджи, – произнес Гранос.

– Мое почтение, аксакал Луиджи, – сказал и Ракши.

– В свете сегодняшних нарушений дисциплины ордена вас ждет исключение. Но есть выход! – произнес загадочно джинн. Нарушители затаили дыхание, их глаза расшились, и Луиджи продолжил: – Один из вас может искупить вину другого.

– Все, что угодно, – уверен наивный принц.

– Искупит вину тот, кого исключат. Но по милости моей и великодушию нашего генерала и наместника короля он будет обучаться у меня.

«Как же чемпионат? Я же не стану придворным, и бесславной останется моя семья...» – подумал Абеле.

– И эта честь выпадет сильнейшему из вас, – заявил Сальвадор.

– Он будет есть, пить и спать вдали от дома. У него не будет других друзей, кроме меня. Никаких развлечений, никаких женщин. Только тренировки, – говорил мудрый и хитрый аксакал.

– Мой генерал, прошу, не поступайте так с нами, – мальчик пытается надавить на жалость отца.

– Ваша милость, если вы позволите, то выбор сделаю я, а не поединок, – посмел заявить златовласый Луиджи, намекая на принца. Сальвадор был поставлен в неловкое положение, ведь он хотел, чтобы Ракши был воспитанником ордена, а не джинна. Он не хотел героической жизни для сына, а готовил его быть воинствующим королем. Генерал переглядывается со своим наследником с небольшой тревогой, боясь разлуки, и говорит:

– При всем уважении, аксакал, как я уже говорил, к вам попадет тот, кто победит.

– Милорд, я никоим образом не хотел поставить под сомнение ваше слово. Здесь смысл совсем в другом: я подготовлю настолько выдающуюся личность, что он станет легендой, затмившей самого Дезмонда. Легендой, спасающей Арачнakan от рук нежитей.

– Мой генерал, не разлучайте сына с отцом, умоляю, – взывает к милосердию своего отца Ракши.

Сальвадор встал перед нелегким выбором, пытаясь обхитрить мудрого Луиджи, который говорит:

– Сынок! Дорогой мой! Сын сможет навещать отца после каждого выполненного задания. А это примерно раз в две недели.

– Не так уж и страшно, – поделился своим мнением Алмоний.

– Это лучшее будущее, о котором каждый во всем мире мог только мечтать. И оно дано тебе самой судьбой, сынок, – говорит джинн, имея свои виды, ведь королевская кровь у него на попечительстве влечет за собой огромные перспективы. – Вечная молодость, богатство и слава. Перед тобой открыты не просто все двери. Перед тобой открыт весь мир.

Все в аудитории замерли в безмолвии. Они ожидают решения Сальвадора, который в свою очередь подшучивает:

– Звучит очень заманчиво. Я даже сам бы согласился.

– Ваша милость, я не смею настаивать. Я ваш смиренный слуга. Вы имеете полное право мне не доверять. И все же не хотелось бы, чтобы первое впечатление обо мне у королевского рода сложилось как о незаслуживающем доверия советнике. Ведь это не только в наших с вами интересах, но и во благо всего мира.

Джинн очень убедителен, Сальвадору никогда еще не было так трудно делать выбор. Но в голове у него звучит голос Аврело, который говорит, что юный Ракши намного опережает свой возраст и заслуживает шанса реализовать свой потенциал. Удерживает лишь отцовская любовь, и именно она заставляет несколько поразмыслить, прежде чем сказать:

– Именно вопрос блага всего мира стоит превыше всего. Ракши, исключая тебя из ордена. И назначаю тебя последователем аксакала. Будешь служить и исполнять волю Луиджи, как собственного отца. После каждого выполненного задания имеешь право на отгул на один день.

– Отец... – расстроился разочарованный принц и опустил голову, слабость взяла верх над его телом, он почувствовал себя ненужным. Алмоний и Гранос были неприятно удивлены, лишь Луиджи стоял гордо, уже строя планы на будущее.

– Собирай вещи и проведи последний день с семьей, с завтрашнего дня тебя сопровождают в Кóрсель – обитель джиннов, в поместье под горой на востоке Малиониса, которое я дарую им.

Эпизод 26

Райская кузня

Когда Манрике с командой пробились сквозь зеленоватые широкие кусты, ориентируясь на музыкальные звуки птиц, их взору предстал потрясающий воображение вид. Над зеленым покровом мха возвышаются деревья с раскидистыми кронами. Повсюду протянулись изящные лианы и различные лозы, словно праздничные ленты с лиловыми цветками и манящими плодами. На ветках танцуют и поют самцы райских птиц самых пестрых окрасок со скрученными либо пышно расправленными хвостами, поражающими разнообразием узоров и оперений. Но даже не эти прелести джунглей так завораживают гостей, как радует кое-что другое. Довольно долгое время они получали воду лишь из добытых ягод и дождя, наконец-то перед ними пресные и довольно глубокие ручьи спиральных форм, словно отфильтрованные каменистыми ископаемыми голубой Оканики. Гермэк, попробовав воду, сообщает графу:

– Господин, она пресная.

Граф взглядом приободрил своих подданных, разрешая испытать. Команда де Лара с жадностью бросилась утолять жажду. Ни одна вода в мире не могла похвастаться такой чистотой, вызывающей фриссон, как спираль ручьев моря инерзитов. Сквозь их абсолютную прозрачность странники замечают огромное многообразие кристаллических образований, за счет которых вода и была такой особенной. Утолив жажду, путники расположились на отдых. Гермэк кормит верблюдов фруктами и различной зеленью. Лами поднялся на дерево и срывает плоды подобные манго, только лиловых тонов с фиолетовыми узорами. Расположившись на ветке, артист пробует нежный, сочный и сладостный фрукт и бросает своему другу. Откусив, видит, что мангообразный плод внутри оранжевый, словно персик. Необыкновенный плод падает в руки сидящему на покрытом мхом камне Амадею. Внезапно побеспокоенный кузнец поднял голову и обнаружил улыбающегося Лами.

– Ты уверен, что это съедобно? – крепко сжав в руках плод, обращается к другу Амадей.

– А какая разница, дружище? – смеется Лами. – Все равно наш прославленный лидер, как всегда, прикроет твое одно место.

Амадей страстно мечтает попробовать пленительный фрукт, но, проявив гордость, удерживается и бурчит:

– Тоже мне шутник.

Из-за большого живота толстяк с трудом снимает обувь с изможденных грязных ног. Его усталые ступни успокаиваются на нежном покрове мха. Внешне грозный, но нежный в душе кузнец тщательно чистит ботинки от камней, грязи и прилипшей растительности, и подслушивает разговор драбанта с лидером.

– Милорд, будем плыть? – интересуется готовый ко всему Берто.

– Плыть? – тревожно округлив глаза, немного дернув головой, вмешался Амадей.

Задумчивый граф все это время, неотрывно следя за малейшим движением в джунглях, наблюдает, как по волнистым деревьям одна из красных птиц с синим хвостом скользит то вниз, то вверх. Другая, черная, птица своими бирюзовыми крыльями изображает паруса и ритмично танцует. А маленькая коричневая маленькая самка замороженно качает головой из стороны в сторону. По желтым стволам некоторых деревьев разбросаны алые цветки. Оранжевая птица с пестрыми красными и синими перьями на хвосте и хохолке, напевая, соблазняет свою бело-голубую паву. Земля покрыта пышными зелеными мхами и необыкновенными цветами. Их аромат настолько приятен, что может вскружить голову любому путнику. Манрике, услышав смешную реплику Амадея, перевел свой взгляд на него, не сдержав гримасы. Мягко улынувшись, благородный лидер прокомментировал:

– Ты можешь оставаться.

Вся команда рассмеялась, и Лами продолжил издевательства:

– Наверняка кушать хочешь. Пожаришь пару птичек, пока мы вернемся.

Сослуживцы продолжают хохотать. Амадей, нисколько не обидевшись, ответил:

– Прекрасно, смейтесь.

– Милорд, тут могут быть змеи или, что того хуже, крокодилы, – предупреждает Гермэк, переживающий за благополучный исход их путешествия.

– И верблюды – не лучшие пловцы, – добавил усталый Амадей. На что Лами надменно улыбнулся.

– Мы должны рискнуть, выбора нет, – уверен в своем предложении драбант Берто.

– Лами, собираешь лозы. Берто, прикрываешь от хищников. Гермэк, Амадей, вы – кузнецы, руководите процессом. Будем строить плот, – распорядился граф Манрике де Лар.

– Вот это я называю райской кузней, – прокомментировал Лами, спрыгнув с дерева. Сорвал два гриба острой формы и наставил рожки Амадею, который в свою очередь досадливо отмахнулся. Остальные лучезарно улыбнулись. Затем все направились исполнять приказы командира.

Эпизод 27

Встреча правителей

Белоснежная башня с дозорным огнем, на вершине которой огромная статуя крылатого пегаса, служит маяком для кораблей на самой широкой реке в мире, которая называется Анэль, стрелой переливаясь с другой рекой – Лусани в Анаказель через столицу Арии Вариэны. Еще темное утро, огромная полная луна пускает голубой свет, где-то оставляя блики, а где-то погружает в сумрак. За реками над листовенным зелено-синим лесом и красным ббрандом пролетает в сопровождении голубых и синих райских журавлей «красная *Эйфавелла*», что в переводе с эльфийского означает «летающая волна». Это тот самый летающий корабль, построенный из коры красного ббранда, ветка которого на ведущем белом парусе олицетворяет герб Джесснуры. Судно плавно совершает посадку в порту, где эльфийская свита во главе с Мэрфэлом ожидают важного гостя.

С корабля опускается Аврело со своими сопровождающими. Арфаон Арии Вариэны чуть выше короля Арачнакана. Аврело всматривался, словно впервые видел, как лунный свет оставляет блики на коже великолепного эльфа. Одет он был в лазурный кафтан со всевозможными украшениями из белого золота, так гармонирующими с его волосами. А на голове у Мэрфэла была тиара, полностью состоящая из голубых бриллиантов, образующих симметричные фигурные скобы и различные узоры эльфийской культуры.

Древний правитель первым протягивает руку с огромным перстнем из красного золота в виде ветки красного ббранда, обвившей чуть ли не весь средний палец.

– Добро пожаловать, дорогой друг! – правитель эльфов встречает короля людей.

– Приветствую тебя, добрый друг, благодарю тебя за радушный прием!

– Это еще что, сейчас будем пировать, вот это будет прием! – приобняв друга одной рукой, другой рукой указывает в сторону голубой *каравеллы*.

Обменявшись любезностями, Аврело поднимает руку и дает отмашку, чтобы слуги спустили дары, и говорит:

– Я знаю, что у тебя в государстве всего в избытке. И все же у тебя проходят игры, поэтому я привез тебе тонны мяса, пряностей и вина.

– Ты гений, мой дорогой друг. Чего у нас нет, того нет. Спасибо за твою щедрость и заботу.

Близится рассвет, два дипломатичных правителя пересаживаются в более маленькое и шустрое судно и вместе со своими слугами отправляются на финальные игры в Норюэль.

Эпизод 28

Прощальный вечер

В башне Сальвадора жила его семья. В одной из комнат, где иногда проходили семейные ужины, светились белые огни серебряного паникадила с символикой эсперанской культуры, в основе которой – листья. Стены были белые с разнообразными цветочными орнаментами. Пол состоял из темного мрамора вперемешку с черным деревом, украшенным серебряными узорами. А многообразные округлые арки служили выходом на цветочный балкон.

Опустошенный Ракши глядит с тоской на звездное небо. Ведь все его мечты и построенные планы на будущее в один день сошли на нет. Он не станет выпускником ордена Дезмонда и тревожится, что не станет еще и королем. А самое страшное, что больше всего его волнует, – это чувство ненужности. Вдруг слышит милый голос, доносящийся со спины:

– Сын мой... – произнесла столь нежно, словно пропела *Мария*, жена Сальвадора.

Принц оборачивается, понимая, что это мама, и, опустив голову, тихо шепчет:

– Мама...

– Дай обниму тебя, родной мой! – воскликнула она, чувственно вздохнув и шагнув в его сторону.

Мать крепко прижала мальчика к себе. Ракши, обнимая ее в ответ, спрашивает:

– Мама, я больше вам не нужен?

– Ты самое дорогое наше сокровище. Не говори так, любимый мой, – на влажных глазах Марии не удержалась капля слезы и потекла вниз по щеке.

– Тогда зачем отец отсылает меня?

– Он хочет, чтобы ты стал великим. Заставь его тобой гордиться. Ведь я уже горжусь...

– Мама... – грустно вздохнул мальчик, затем проговорил: – Я не хочу вас покидать...

Болят душа матери, глядя на единственного сына, не зная, как его утешить. Ведь она сама нуждается в утешении больше, чем кто-либо:

– Обещай, что будешь навещать меня как можно чаще!

– Конечно, мама... – нежно проговорил Ракши, еще крепче сжав в ее своих трепетных объятиях. – Когда-нибудь я вернусь к тебе, и мы навсегда будем семьей: я, ты и отец!

Мальчик был очень привязан к семье, будучи единственным и долгожданным ребенком. Несмотря на то что был приемным, он всегда ощущал искреннюю заботу и любовь. Поэтому теперь прощание давалось ему с огромным трудом.

Мария уселась с сыном за стол, на котором, как всегда, были поданы любимые блюда королевского преемника: осетрина, форель, семга – запеченные и вареные; кабанина, оленина, баранина и утка, приготовленные на углях; различные компоты, соусы и сливки; все виды фруктов, запеканки из овощей с панировкой. Но все это не радовало его.

Вдруг раздается свойственный генералу Сальвадору энергичный стук в белые деревянные с серебряными завитушками двери, и Мария произносит:

– Заходите.

Открываются двери, слуги с дарами проходят первыми, а за ними шествует Ангелина – королева людей. Мария с Ракши поднимаются из-за стола в знак уважения и подходят поприветствовать гостю. Величественная королева в длинном лиловом платье с собранными вверх волнистыми белыми волосами приветливо улыбается своим родным. Сначала обнимается и целуется с Марией, затем с племянником:

– Ракши, мой дорогой! – крепко сжимает его в любящих объятиях королева.

– Моя любимая тетушка! – радостно восклицает мальчик. – Я так рад тебя видеть!

– Я тоже, мой хороший. Поэтому я здесь.

От присутствия Ангелины у него пробудился аппетит. Усевшись за столом, Ракши начинает ужинать. Женщины скромно едят салаты, а принц не отрывается от мяса.

– Когда вернется Аврело? – интересуется Мария.

– Он не сообщал. Но, я думаю, недели через две, – отвечает жена правителя. – В где Сальвадор?

Ракши опустил вилку в тарелку, не выпуская ее из руки, и медленно выпрямился.

– Как всегда, важные дела, – иронично ответила жена генерала.

– Ребенок уезжает. Какие могут быть дела? – проявила недовольство Ангелина.

– Тетушка, я не хочу уезжать, – в последней надежде, что влияние и мудрость королевы ему помогут, перебил племянник.

– Ракши, мальчик мой. Ты должен быть сильным, многие короли начинали правление в твоём возрасте. А ты будешь еще более великим, если подойдешь к этому с мудростью, – вдохновляет царственная дама.

– Правда? – ищет утешение маленький принц.

– А что тебя останавливает?

– Мой отец меня больше не любит...

– Что ты такое говоришь? – вмешалась мать.

– Сыночек, я слышала, насколько ты силен, неужели ты настолько же и хрупок? – вопросом ответила мудрая королева.

– Тетушка Ангелина, а как мне быть, ведь я всего лишь приемный...

Женщины ужаснулись и переглянулись, как будто слышали мысли друг друга: «Неужели мы недостаточно любили его, что теперь он такое говорит».

– Никогда, слышишь, никогда больше не смей такое говорить! – рассердилась мать.

– Да... – скромно выдохнул сын.

– Роднее тебя у нас никого нет, разве ты не знаешь? – искренне восклицает тетя.

– Знаю, – лукавит мальчик, утратив веру, когда отец согласился отдать его на воспитание джинну Луиджи. По щеке мальчика медленно скатилась слеза, он подумал: «Даже сейчас, когда я уезжаю, отца нет рядом».

– Если отца нет рядом, значит, есть веские причины, – утешает королева своего племянника, будто услышала его мысли. Ракши наконец покоряется ее умению вдохновлять и внимательно вслушивается в слова. – Пройдет время, и ты привыкнешь уезжать и приезжать. И с каждым разом будешь все сильнее и взрослее.

– Ты наследник своего дяди Аврело, а твой отец хочет, чтобы ты стал легендарным королем, – добавляет Мария, с мягкой улыбкой протягивая подвеску в платиновой оправе. – Держи, это голубой нефрит. Говорят, он имеет магическую силу, только никому не говори.

– Наш государь не любит магию, мама, – встревожился юноша, зная, насколько сурово отношение придворных Эсперансы к волшебникам.

– Это не магия, а бесценный подарок, – убедительно настаивает мать.

– Давай, мой хороший, – подтверждает королева, кивая головой и нежно глядя на него.

Ракши смотрит на камень как замороженный и медленно протягивает к нему руку. Загадочную силу предвкушал мальчик, касаясь камня. И обратил свой наивный взгляд по сторонам в надежде, что что-то изменилось: сначала посмотрел на маму, а потом на тетю. В эту минуту раздается грохот, и энергично распахиваются двери. В зал стремительно врывается наместник короля и, увидев сына, бросается обнимать:

– Мой сын, – хватая мощными руками мальчика, зажмурил глаза.

– Отец! – в безграничной радости восклицает Ракши, обняв отца в ответ.

– Я очень люблю тебя, всегда это помни, – присаживается рядом с сыном генерал, положив руку ему на плечо, пальцами дотронувшись до шеи и уха.

– Я тоже тебя люблю, отец.

– Я строг только лишь для того, чтобы ты вырос великим человеком. Это бесценный дар, который может дать могучий отец своему сыну.

Ракши нежно и чуть печально взглянул на Сальвадора, уже с пониманием относясь к его словам. А мягко улыбающийся генерал после некоторой паузы продолжил:

– Ты даже не представляешь, какая ответственность тебя ждет, когда нас не станет. А мы стары! И ты даже не успеешь повзрослеть.

– Не говори так, отец, – Ракши просит отца, потому что опасается этой правды.

– Ты будешь королем, пришло время тебе понять и принять эту истину. Всю нашу родню съели нежити, потому что мы оплачиваем дань. И это... жестоко.

Сердце Ракши забилося быстрее, он вдохнул чуть больше воздуха, ведь его детский мир начал рушиться. Отец не желал такого для сына, но его мудрость подсказывала открыться ему именно сейчас. Ангелина гордо смотрела на Сальвадора, взглядом демонстрируя солидарность.

– Жестоко, – тихо согласился ребенок, опустив взгляд.

– Посмотри на нас, мы все седые, покрытые морщинами, – хохочет Сальвадор, смягчая обстановку.

– Говори за себя, генерал, мы с Марией еще молоды, – кокетничает Ангелина, а его жена улыбается. Лицо мальчишки чуть смягчилось от юмора стариков.

– Мы, может, не успеем принять участие в освобождении от дани. Эта задача возлагается на твои плечи. Ты меня понял? – гордо спросил наместник короля.

– Да, ваша милость, – напряженно ответил Ракши, открыв для себя всю сложность предстоящего пути.

– Хороший мой! – обратилась к племяннику королева, даря ему книгу и шелковую одежду. – Это тебе: книга будет тебе хорошим другом, а наряжаться будешь, чтобы не забывать, что ты из королевской семьи.

– Спасибо, тетушка. Мама, папа, – всех крепко обнимал и целовал любвеобильный энергичный юноша.

Сальвадор поднялся на ноги, наполнил компотом чашу, залпом выпил, затем сказал:

– А вина, где вино?

Родственники смущенно посмеялись, затем генерал распорядился:

– Идем.

Женщины встают и идут вслед за Сальвадором и Ракши. У порога генерала ожидает свита, чтобы сопроводить.

Холодные ветра с востока принесли с собой мрачные тучи, которые заслонили небо от звезд. Наместник короля вместе с семьей и своим отрядом выходит на королевский двор, где ожидает карета, охраняемая двадцатью солдатами под знаменем Эсперансы. Перед солдатами стоит мощно сложенный джинн в глянцево-темно-синем кафтане до колен с поднятым толстым лацканом. Карманы с клапанами по бокам, как и рукава с отворотами на запястьях были зеркально-золотого материала, из-под них выглядывали волнистые рюши бежевой рубашки. Под кафтаном красный камзол с множеством золотых пуговиц. Над камзолом возвышался двойной слой галстука, настолько широкого, что обхватывал верхнюю долю груди. Первый слой был светло-синего цвета, пятиугольной формы, обшитый золотыми нитями по краям. Он находился на одном уровне с острыми углами лацкана. Второй слой представлял собой трапецию из материала зеркального золота, прикрывающую грудь с нарциссно-желтым орнаментом в виде кругов. Из-под него виднелась золотая подвеска, напоминающая знак бесконечности. Светло-синие брюки были заправлены в глянцево-темно-синие ботфорты с зеркально-золотой накладкой у колен.

– Приветствую тебя, Ракши, сын генерала Сальвадора Эсперанского, – с легкой улыбкой плавно кивнул джинн.

– Добрый вечер, аксакал Луиджи из Корсея, «дома в скале», – холодно отвечает принц, слегка равнодушно кивнув, не отрывая взгляда от златовласого.

– Королева Ангелина, миледи Мария, – воздал аксакал почести королеве и жене Сальвадора.

– Аксакал... – произнесла королева, лишь кивнув.

– Аксакал... – присев в реверансе, ответила жена генерала, опустив глаза.

Сальвадор грозно следит за манерами собравшихся, а Ракши секундой позже поворачивается и сначала прощается с тетужкой, обняв и поцеловав:

– Тетужка!

– Береги себя, родной мой! – отвечает королева объятиями и поцелуями.

Затем Ракши нежно с трепетом бросается в объятия матери:

– Мама!

– Мой сын... мой любимый... – ласково прошептала Мария, не отпуская ребенка некоторое время.

Затем мальчик медленно подходит к отцу, ожидая инициативы от него. И Сальвадор, обняв сына могучими руками, наставляет:

– Сын... сделай так, чтобы мы тобой гордились.

– Сделаю отец, – обещает принц.

Один из подданных открывает дверь черной кареты, куда первым поднимается аксакал, а следом подопечный. Ступив одной ногой внутрь, Ракши оборачивается, чтобы еще раз посмотреть на родных. И видит, как мама плачет в утешающих объятиях Ангелины. Потом смотрит на гордого отца и, собравшись духом, забирается внутрь. Трогаются четыре черных коня, таща за собой карету с важными персонами. А рядом скачут двадцать гвардейцев Сальвадора. Ракши уставился в заднее окно, прижавшись ладонями к стеклу, и видит, как силуэты его родных уменьшаются, пока не исчезают вдали.

Эпизод 29

В поисках Кулимата. Часть 2

Усевшись на разломанном бревне, орки разгрызают кости сваренного недавно пойманного медведя своими чудовищными клыками. С безумным аппетитом они вгрызаются в мясо. Мощные челюсти запросто справляются с любой частью туши.

Равхал поднимается на ноги и подходит к Бóркату вплотную, уставившись сверху вниз своим суровым черствым взглядом. А тот, расслабленно наслаждающийся сочными ребрами животного, внезапно замер и медленно поднял глаза на агрессивно настроенного лидера, который сначала сжал губы, затем, расслабившись, начал:

– Не наелся еще, дружок?

Напряженность чуть отпустила Бóрката, и он продолжил свою трапезу, ответив:

– Еще нет, Равхал, присоединяйся.

Гулкас и Моху застыли в ожидании, как поведет себя Равхал. Как вдруг он взмахнул тыльной стороной ладони, и еда вывалилась из рук Бóрката. Своим перстнем с черной коброй Равхал попал в один из гигантских нижних клыков пирующего и сломал его. Бóркат схватился за повисший зуб и закричал от боли:

– А-а-а!!!

Все остальные отскочили, молча наблюдая за происходом.

– Я тут решаю, что мы делаем, всем ясно?

«Погоди, за это ты у меня ответишь!» – мстительно подумал Бóркат, с презрением отвернувшись в сторону.

– Да, – испуганно поддакнул Равхалу ненадежный Моху.

– Быстро за мной, – голосом, словно пила, режущая дерево, приказал грозный командир и устремился вперед своей вызывающей походкой, злобно глядя по сторонам. Краем глаза приметив змею, он молниеносно схватил ее правой рукой, не поворачивая головы. Молчаливо за Равхалом следуют Моху с Гулкасом, а за ними затаивший обиду Бóркат с юношами. И Гóхад, сын Гулкаса, впечатленный резвостью змеелова, шепчется с друзьями:

– У него рука дьявола.

– Точно, – соглашается со своим другом Пекас, сын Бóрката.

– Рука дьявола, – повторяет за остальными Гоки, сын Моху.

Ладони Равхала крупнее, чем у любого другого орка, и правая рука от рождения была аномальной: ее кожа темно-зеленая, почти черная, а вены на ней алые, словно магма, в отличие от остальных частей тела. Именно на правой руке он носит свой черный сверкающий перстень в форме кобры, намотанной на средний палец, у которой выпирает капюшон с открытой и острой, как бритва, пастью. И Бóркат подумал про себя: «Рука... дьявола?» – Надменно ухмыляясь, продолжил про себя мыслить: «Тебе конец, *Дэвилхенд*». А сам Равхал, нисколько не задумываясь, ядовитая змея или нет, отрывает своей острозубой пастью ее еще живую голову и поедает, устремившись на поиски своего племянника.

Эпизод 30

Прием в Голубой Каравелле

Свет золотисто-красного неба лениво рассеивается по молочным воздушным облакам. Нежные блики пробуждающегося рассвета обтекают борта арфаонской голубой каравеллы. Возвышающийся над палубой фальшборт украшен синими с золотом орнаментами в виде симметрично закрученных волн. На носу корабля высится золотая гальюнная фигура – устремленный вверх пегас с расправленными крыльями. Его роскошное оперение охватывало внушительную долю передних частей бортов, не нарушая аэродинамики своим изяществом.

Голубая «танцующая волна» властителя эльфов проплывает по милой Анэль, отражающей играющие небесные лучи, все глубже принимающие в золотые оттенки. Палуба каравеллы сверкает от полностью покрывающих ее золотых узоров. Блики и тени от них гармоничны, словно музыка, утонченно трогающая душевные струны. Никаких мачт и парусов нет на эльфийском шедевре.

Внутри корабля нежно ласкают слух царствующих особ и их слуг звуки музыки. Эльфийская гитара придает торжественности ненавязчивой игре флейты, наполняющей волшебством обстановку. А легкие удары по барабанчикам делают музыку ритмичнее и звучат с особым шармом. Изнеженно подпеваает арфа, звуки которой непрерывно и трепетно раскрываются при появлении павлина, а флейта и гитара вновь звучат тоньше.

Царственные золотые канделябры с норюэльскими свечами развешаны по эллипсу натянутых серебром стен зала. Вдоль стен выступают арки, обрамляющие искусственные округлые окна. Огни свечей отражаются в зеркальных завитушках потолка и ободков окон. Свет оставляет блики на стекле и придает страсти золотым кубкам и янтарным украшениям остальной прозрачной посуды. Красоту убранства дополняют зеленые растения.

В праздничной атмосфере арфаон Мэрфэл, его советник *гарде Тафраел* и гость король Аврело расселись у стеклянного стола в золотой оправе с крутящимся центром. Эльфы испытывали отвращение даже от запаха мяса, но ради своего друга Мэрфэл проявил терпение. Богатое блюдами и напитками подношение для короля и его людей было особенным. Аромат обжаренного мяса, приготовленного умелыми поварами со всего мира, завораживал и искушал человека. А эльфы скрывали недовольство за своей величавостью и гордой неприступностью.

Слева от правителя Арии Вариэны восседал правитель людей, а справа – огневласый Тафраел. Пред гостем щедро расставили именно мясные блюда. Запеченная индейка под соевым соусом, нежная и сочная внутри и хрустящая снаружи из-за обжаренной корочки, приготовлена в лучших традициях гномьих гурманов. На листьях салата осетрина с изогнутым вверх хвостом, как у скорпиона, зажаренная в печи под соусом из сливок, мускатного ореха, яичного желтка и бальзамического уксуса, поданная с крабами и лимонной мякотью. Красная форель, вареная с горошинами черного перца и лавровыми листьями, поданная под соусом из соленого лимона с медом, с дольками самого лимона, тархуном и креветками, заваренными в томатном соусе. Бедро кабана, приготовленные малионским поваром на углях, особо замаринованные с острым перцем, чесноком, красным луком, душистой зеленью и пореем, поданные на подносе с листьями салата, кисло-острым соусом, кольцами красного лука и гранатовыми зернами.

Ближе к арфаону и его гарде расставлены блюда, угодные хозяевам. Это горячие эльфийские плоды – длинные и тонкие завитушки, сочные из-за оливкового масла с кислым сливовым соусом и дольками томатов. Грибы в соленых сливках с душистой зеленью и тертым луком, запеченные под сырами из молока пегаса алого цвета с пурпурной зажкой. С хрустящей корочкой картофель, наполненный нежным розовым сыром единорога и зеленью. Горячие фрукты под черным порошком корней красного бранда и листьями фераны.

Бесчисленное многообразие сыров, фруктов и ягод в центре стола было разложено в синезолотые вазы с крыльями и волнистыми узорами. В центре вращались и другие десерты. Шоколадные пироги под пенкой безе с крупнейшей в мире земляникой из анафийских земель. Бисквитные торты с банановым соусом и корицей...

Но кое-что монарх государства людей пробует впервые, эльфийский правитель лично перекладывает в тарелку Аврело десерт, приготовленный по недавно открытому рецепту, и говорит:

– Это что-то! Ты пребудешь в другом измерении, мой друг, попробуй!

– Мэрфэл, родной. То, что ты переложил мне, это вообще законно? – похочет гость.

– Аврело, мы и есть закон, – и шутя, и всерьез, рассмеявшись, ответил главный эльф.

Аврело положил кусок изобретения себе в рот. Холодок мгновенно прошел по спине короля, и он на пару секунд остановил настороженный взгляд на хозяине корабля. В ответ Мэрфэл, величаво моргнув, как свойственно ему, гордо улыбнулся. И тут гость ощутил сладкий с фруктовой кислинкой вкус, нежненько таявший на его языке. Смакуя, он закрыл глаза, пребывая в неудержимом восторге, и проглотил кулинарный шедевр. Такого странного и особенного сочетания нежности холода и содержащейся в нем сладости он даже представить себе не мог. Открыв глаза, владыка Арачнакана сделал глубокий вдох и сказал:

– Волшебный у тебя снег, Мэрфэл.

Засмеялись за столом все, и арфаон, оценив шутку человека, прокомментировал:

– Ах-ах! Волшебный снег! Ты слышал, Тафраел?

– Аврело, ты великолепен, – продолжил за арфаоном Тафраел.

– Давайте выпьем, у меня тост! – воскликнул Аврело, подняв кубок, сверкающий под огнями отражающихся в зеркалах свечей. Его друзья обратили на него благосклонный взгляд. – Мэрфэл, друг мой. Я поднимаю этот кубок за тебя. Ты заставляешь гордиться весь свой народ и друзей своей уникальностью, гениальностью и изобретенными шедеврами.

– Спасибо, дорогой, – древний эльф искренне оценил похвалу человека.

– Пусть твой дом будет процветать вечно! За тебя, мой друг!

– За тебя, сияющий владыка, – произнес и гарде Тафраел, присоединившись к словам гостя.

– Мэрфэл! – загадочно воскликнул король людей, задержав кубок перед тем, как испить.

– Да? – Арфаон замешкался: почему Аврело перебил прием вина.

– Это точно вино? Галлюцинаций не будет? – блеснул остротой человек, на что эльфы схватились за животы от неудержимого смеха.

– Аврело, пощади, – успев немного выпить перед шуткой гостя, Тафраел ощутил, что вот-вот лопнет от человеческого юмора.

Бородатый король сделал несколько глотков. Красный напиток с кислинкой щекотал ему горло обилием пузырьков. Пряный вкус будто сочетал в себе подобие корицы и дымка. По пальцам Аврело Эсперанского пробежал ток, голова на мгновение закружилась, и обострился слух.

– Мэрфэл, я же просил без галлюцинаций, – подкалывает король Арачнакана своего друга.

– Несмотря на нашу дружбу, если ты скажешь, что тебе не понравилось, я все равно не поверю! – своеобразным юмором отвечает арфаон Арии Вариэны, приподняв брови.

– Чудесный напиток. А что за аромат! Это корица?

– Лучше. Это черная кора красного бранда, – с гордостью ответил гарде.

– Тафраел, это лучшее, что я когда-либо пробовал, – восхваляет Аврело.

– У меня тост! – поднял бокал Мэрфэл. – Аврело, великий правитель людей! Да править ты долго и приумножишь свои победы. А потомки твоего рода, восхваляя твое имя, да принесут спасение в этот мир вместе с моими.

– За тебя, Аврело, – поднял кубок Тафраел.

– Спасибо, – скромно и величаво ответил Аврело, понимая, что он уже стар.

В силу немалого возраста и с непривычки голова гостя кружилась от эльфийского напитка.

– Мэрфэл, ты меня решил спить? – улыбочиво спросил Аврело.

– Да, мой друг. Сегодня я хочу, чтобы ты отдыхал, – с заботой прозвучал голос друга.

– Тогда наливай. Гулять – так гулять.

Слуги по воле Мэрфэла ушли, оставив высшую знать без посторонних. Гарде наполнил чаши и стоя произнес очередной тост:

– За нашего дорогого гостя и за отличный пир!

– За нас! – воскликнул Аврело.

– За нас! – присоединился Мэрфэл.

Они хорошенько напились, пока Аврело не устал настолько, что ему захотелось спать. Тафраел по просьбе Мэрфэла позвал слуг. Мудрым взглядом своих фиолетовых глаз правитель указал прислуге проводить гостя в каюту, чтобы он отдохнул. Тафраел был тоже слегка пьян и отправился в свои покои. А арфаон каждый раз после головокружения быстро оправлялся в силу своей древности.

Оставив свою сияющую тиару, глава эльфов поднялся на сверкающую от золота палубу. Задумчиво наблюдает за волнами Анэль и размышляет о своих наследниках, переживая за их будущее. Решив дать Этрею шанс показать свое умение руководить, он нарочно не вмешивается в дела государства. Затем мысленно представляет разговор с самым проблемным из сыновей перед грядущей встречей: «Валтерий, сын мой. Никак не могу понять, чего тебе так не хватает, что ты полез на эти игры. Тебе бы править вместе со мной, а ты все к приключениям стремишься. Прошли не просто годы, тысячелетия уже оставили следы. Мне побеседовать с тобой нужно: наказывать словами или принимать радушно?» Вдруг до ушей расслабившихся эльфов доносится полный решимости знакомый голос:

– Поднять мачты, опустить паруса! – прогремели указания стоявшего спиной к своим подданным арфаона, который спешил скорее добраться в Норюэль.

– Есть, поднять мачты! – принялись исполнять приказ властителя подданные.

Полный тайн правитель наступает на гальюнного пегаса, закрыв глаза. И восходит на него, разводя в сторону руками. В необычайной медитации он вкушает потоки встречного ветра и вдыхает свежий воздух. В этот момент гвардейцы от паники ринулись к нему.

– Я что сказал? Выполнять! – Мэрфэл жестко остановил слуг.

Эльфы с тревогой развернулись, и один из них прошептал другому, побоявшись оказаться в не лучшем свете перед правителем:

– Идем.

На деке эльфы образовали два круга и, каждый схватив с пола по кольцу, вытягивал канат на себя. Они шли по часовой стрелке, пока на палубе не открылись два люка. При помощи эльфийских технологий оттуда восходили ввысь легкие и прочные кристаллические мачты. Когда они поднялись до пика, гвардейцы опустили кольца, и мачты железно укрепились. На хвосте появилось рулевое колесо, за которое встал один гранд матросов. Вертикально сложенные реи, обернутые в золотые покрывала, при помощи канатов матросы привели в горизонтальное положение и туго срепили с кольцами фальшбортов. Покрывала на реях раскрылись ошеломительными парусами. Самый крупный из них нужно было в последнюю очередь закрепить кольцом за пегасом, и трое из гвардейцев государя надрывались в тщетных попытках этого добиться.

В последний миг, когда рука одного из них соскользнула, Мэрфэл поймал канат. Его статный образ и величественный взгляд подчеркивали изящные белоснежные волосы, которые трепетали на ветру. Лицо сияло от падающего света, а глаза будто горели фиолетовым пламе-

нем. Подданным арфаона казался божеством. Склонив головы, они сделали шаг назад. Властитель эльфов одной рукой без всякого труда сомкнул крюк каната с кольцом.

Плывет корабль по нежной Анэль в мейлонство под названием Норюэль. Ясный свет от неба голубого на золотого цвета парусах горит, словно светится в ночи маяк. Развевается зарепленный на фок-мачте белый флаг, в котором герб – ветвь красного бранда. Мэрфэл стремится скорее возвратиться к своим обязанностям:

– Полный ход!

Каравелла рассекает реку так быстро, как не могло ни одно другое судно, особенно в этот раз.

Эпизод 31

Неловкое знакомство. Часть 2

Тринадцать синегвардейцев сопровождают белую с синим оттенком карету. Гранд монсеньор Валтерий, скачущий на своем белом коне, равняется с ней и наблюдает за напуганной девушкой, которая выкрикивает из окна:

– Что происходит? На помощь!

У нее была такая милая мордашка, что она даже паниковала красиво. Принц Валтерий трепещет, сраженный выразительностью ее восхитительных серо-зеленых глаз. Окрыленное сердце содрогнулось, и монсеньор затаил дыхание, чтобы смаковать красоту молодой эльфийки. Казалось, время замедлилось, и он пребывал в нем чуть ли не минуту, а на самом деле прошло не больше двух секунд. Валтерий, наконец наполнив воздухом легкие, надменно ухмыльнулся. Кудрявая шатенка вдруг перестала кричать, остановила взгляд на кавалеристе в драгоценном синем плаще с золотыми кружевами, явно выделявшемся среди остальных синегвардейцев, попыталась разгадать, кто это. Монсеньор подмигнул смотрящей на него девице, выпрямленные пряди которой красиво уложены на одну сторону, закрывая аккуратное ушко с острым кончиком. Ее дыхание резко участилось, она нервно поправила локон за ухом, моргнув своими нежными глазками. Валтерий встал на скачущего коня, не отрывая взгляда от красавицы. Еще сильнее взволновалась она, прикрыв золотисто-оранжевым занавесом окно. Отвернувшись от наглого преследователя, она прижалась к стенке спиной, руками и головой, приоткрыв свои аккуратные уста, чтобы легче было перевести дыхание. Раздался внезапный грохот на крыше и кареты пошатнулась. Спрятавшаяся эльфийка испугалась еще больше, когда оконная рама оторвалась от корпуса. Могучий монсеньор, вставив меч в раму как рычаг, вырвал окно. Акробатическим трюком внезапно проскальзывает за занавеску и подсаживается к эльфийке. Та в тревоге дернулась и снова закричала:

– О-ой!

Надменный темноволосый эльф плавно осмотрел красавицу снизу доверху соблазняющим взглядом, слегка приподняв одну бровь, и мягко улыбнулся. Словно в душу проникая своими завораживающими глазами, ей ответил баритоном:

– Ой, ой.

– Кто вы?

– Ваш новый друг.

– Что вы собираетесь сделать?

– А чего бы вы хотели? – заигрывает Валтерий, открывая в улыбке свои ровные белоснежные зубы.

– Прошу, не трогайте меня.

– Как зовут вас?

– Меня?

– Да, миледи, вас.

– Я... *Валерия*, – удивленно хлопает глазами эльфийка и пытается понять, что нужно незнакомцу.

– Красивое имя, Валерия, – нежно произносит незнакомец, словно бальзамом успокаивая ее тревогу, и еще раз шепчет: – Валерия.

– Спасибо, – создается ощущение, что она и раньше слышала этот приятный голос, произносящий ее имя. Но она еще не понимает своих чувств: к добру ли это.

– Я легко его запомню, – продолжает заигрывать принц, излучая тепло глазами.

Валерия, почувствовав его доброту и поддавшись обаянию и харизме, поинтересовалась:

– Почему?

– Потому что оно похоже на мое.

После небольшой паузы, глядя в пронизательные глаза всадника, Валерия спросила:

– А как ваше имя?

Наследник Арии Вариэны, очарованный изяществом девицы, добротой ее нежного голоса, чуткостью ее мимики и женственностью повадок, после не большой паузы ответил:

– Валтерий.

Еще раз трепетом исполнилось ее дыхание, и она тихо переспросила:

– Вы гранд монсеньор Валтерий?

– Да, миледи.

– Но зачем вы похитили меня?

– Валерия, милая. Я вас не похищал.

Эльфийка загадочно посмотрела на слегка чудного принца и попыталась понять, что он имеет в виду. А он продолжил:

– Вы можете покинуть карету, вернувшись к своим делам.

– Ну, спасибо. Увезли меня куда-то, а теперь говорите «можете выходить», – наполовину шутя, наполовину всерьез ответила она.

– Я хотел принести извинения за свою неловкость и увел вас лишь для того, чтобы укрыть от сплетен и унижения. Пока никто не успел вас разглядеть.

– Но, чтобы увести меня, вы ловко придумали повод, ваша милость, – на этот раз заигрывает уже успокоившаяся девица.

– Такова моя ловкая неловкость, – парирует остротой брюнет.

– Ловкая неловкость? – засмеялась лучезарная Валерия.

– Надеюсь, вы не сердитесь?

– Я подумаю, как вам искупить вину.

– Все, что скажете, миледи. Ведь я джентльмен, – говорит монсеньор, вальяжно склонив голову набок, улыбаясь и не отрывая темных глаз от красавицы.

Искренне заблестели глаза Валерии, его голос проник в сердце девушки и заморозил. Органичность и живость великолепного принца навсегда впечаталась в ее сознание. Несмотря на недолгое общение, он вызвал в ней столько эмоций, сколько она не испытывала за всю жизнь. Увидев в нем что-то особенное, она решила дать ему шанс:

– Достанете мне пегаса?

– Пегаса?

– Уже сдаетесь, монсеньор?

– Вы шутите, милая?

– О нет, нет. Я вполне серьезно, ваша светлость, – шутница посмела испытывать на прочность сына самого арфаона.

– Как скажете, – надменно ответил красавец.

– Только одно условие. Ваша светлость, вы должны сделать это в одиночку.

– Тогда будете должны мне вы.

– Должна?

– Одно свидание, моя милая.

– Посмотрим, монсеньор.

Карета подъезжает к песчано-желтому поместью с огромными квадратными окнами с красными цветами и зеленой листвой. Всюду яркие сады и алые розы под ясным голубым небом. Летают белые бабочки и поют пушистые синички – любимые птички Валтерия.

Останавливается карета, выходит принц и подает руку своей спутнице, та вежливо принимает ухаживание и спускается по ступеням. Широко улыбаясь, эльфийка замечает поющих и машущих крылышками пушистиком. Простым движением дивно указывает на них:

– Смотрите! Какие милые...

– Синички? – спросил Валтерий.

– Да!

– Это мои любимчики.

– Вы с вашими синегвардейцами похожи на них, – снова подшучивает Валерия над кавалером.

- Правда?
- Конечно, – засмеялась она, затем поинтересовалась: – А это ваше поместье?
- Да, миледи, прошу, – монсеньор вежливо подал спутнице руку.
- А почему вы привезли меня именно сюда? – насторожилась девушка.
- Вы останетесь здесь, пока я не найду и не привезу вам платье, чтобы вы переоделись, и тогда отвезу вас обратно. Нужно поторопиться, чтобы я успел на свой бой.
- Вы будете биться?
- Да, моя милая. Будете за меня болеть?
- Конечно, ваша светлость.
- Прошу, не называйте меня так. Для вас я просто Валтерий.
- Я так не могу, монсеньор.
- Не буду настаивать, миледи.

Под руку спутники зашли в поместье к главному синегвардейцу, слуги откатали карету, а солдаты остались охранять.

Эпизод 32

Просьба монсеньора

Светящиеся белокрылые облака таяли в ярко-голубом небе. На зеленом поле раскинулось желтое покрывало из улыбочивых одуванчиков. Мягкий запах цветов оставлял легкие следы приятного аромата, уносимого теплыми дуновениями ветра. В умиротворяющей атмосфере добра улегся звездой в одних зеленых штанах беззаботный эльф. Его тело, ласкали дневные лучи, оставляя блики, а на носу уселась оранжевая бабочка. Рядом лежит полупустой кувшин с молоком. В своем сне он видит скачущего по этому самому полю мускулистого темно-коричневого, с переливами в черный из-за игры теней жеребца. Вдруг что-то прервало его дремоту. Эльф почувствовал чью-то тень, которая заслонила его от солнца. Открыв глаза, он видит коня, но не темного, как во сне, а белоснежного. С коня сошел мужчина и подошел еще ближе. Пробудившийся от сновидений из-за отсветов на лице идущего не сразу понял, кто к нему подходит. Но раздался голос, и эльф сразу узнал его:

– *Морен*, друг мой! – сошедший с коня мужчина обратился к отдыхающему эльфу.

Морен, узнав принца, вскочил на ноги, чтобы поприветствовать. Воинственные глаза сына арфаона были такими же, как у отца, только светло-голубыми. Ярко выраженные нижние скулы подчеркивали его мужественность, а округлая носогубная складка придавала особый шарм. Пряди его слегка вьющихся волос, аккуратно зачесанные назад, а по бокам спускаясь чуть ниже челюстей, закрывали уши. Он был очень похож на Мэрфэла: тот же ровный взгляд, те же властные манеры. Да и цвета он подбирал такие же, как отец. На нем была лазурная рубашка, на которой играли свет и тень; черные кожаные пояс и ботинки. А брюки были темно-синими.

– Этрей? – рассматривая арфаонскую особу, огляделся по сторонам и продолжил: – Ты один?

– Как же ты радушно меня встретил, – насмешливо прокомментировал наследник Арии Вариэны реакцию старого друга.

– Не ожидал тебя здесь встретить. Приветствую, – радостно обнял монсеньора.

– Привет, привет, дорогой, – похлопывая друга, обнял в ответ улыбающийся сын правителя.

– Что привело тебя сюда? – удивлен босоногий эльф в зеленых штанах, измазанных соком ромашек.

– Спросил бы тебя о том же, – подкалывает Этрей, зная, что его друг обожает валяться на ромашках и попивать молоко в свободное время и спать под ясным небом.

– Так спроси! – подыгрывает Морен.

– Мне нужна твоя помощь.

– Нет, нет, нет. Даже не проси.

– Но ты даже не знаешь, о чем речь, – безобидно настаивает Этрей.

– Его высочество даровал мне отпуск, перед тем как отправиться в Норюэль.

– Выслушай, дружище! Вспомни, как мы играли в детстве.

– Это было давно. И ты теперь монсеньор.

– Вот именно. Перед тобой монсеньор, и он просит тебя как твой друг. Я только тебе могу довериться.

– Этрей, я чуть ли не тысячи лет без отдыха служил у арфаона. Убивал, выполнял самые опасные задания, решал сложнейшие задачи. Наконец-то мне выдался долгожданный отпуск, дай насладиться.

Монсеньор посмотрел величаво, как свойственно отцу, в глаза босому эльфу и сказал:

- Чего ты хочешь?
- Отдохнуть.
- Назови цену.
- Какую цену? Мы друзья.
- Я дам тебе руководящую должность.

Долгие века Морен ждал такого предложения, но теперь оно на весах с дружбой. После небольшого размышления Морен отвечает:

- Мне ничего не нужно. Просто скажи, как от тебя отвязаться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.